

ЮРИЙ Валин

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОКРАИНА
«ШТРАФНИКИ»

Окраина

Юрий Валин
«Штрафники»

«Автор»

2012

Валин Ю. П.

«Штрафники» / Ю. П. Валин — «Автор», 2012 — (Окраина)

Говорите, наш мир – Центр Мироздания? Но раз есть центр – значит, имеются и Окраины, полудикие, враждебные, смертельно опасные. И не дай вам Бог отправиться туда в одиночку и без оружия! Там люди сходят с ума и пропадают без вести. Там сбываются самые гибельные мечты и самые мрачные фантазии. Оттуда исходит угроза нашему миру. Там человеческая жизнь стоит меньше обоймы или одной-единственной гранаты. А спасательные и разведгруппы, которые забрасывают туда из нашей реальности, приходится набирать не из добровольцев, а как штрафбаты Великой Отечественной – потому что шансов выжить и вернуться с Окраин у них не больше, чем у штрафников-смертников... Читайте новый роман от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Самый старший лейтенант» – боевую фантастику высшей пробы, по сравнению с которой другие фантастические боевики все равно что фитильный мушкет против автомата Калашникова.

© Валин Ю. П., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юрий Валин

Окраина. «Штрафники»

Автор благодарит:

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах».

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

И любимую жену, без которой вообще бы ничего не написалось.

Глава 1

Замыкая Круг

12 марта

Интерфакс – «Тайфун «Нана» в Малайзии унес жизни более восьми тысяч человек».

Reuters — «Прибыли розничных сетей упали еще на пять процентов».

«Московский кроманьонец» — «Лидер «Спартака» Иниаков не забывает из-за предполагаемой беременности подруги».

Автобус миновал кольцо разворота и остановился. Андрей с низкой подножки не без труда перешагнул жижу подтаявшего снега. Как и двадцать лет назад, дорожные службы в Южном Бирлюкове не слишком-то перетружались. Ясное дело, небось не правительственная трасса. На резкие движения колено немедленно отозвалось болью. Андрей, бормоча ругательства, остановился на тротуаре.

«Боспор» здорово изменился. В последний раз Андрей проезжал мимо лет пятнадцать назад. Тогда кинотеатр выглядел доходягой – стены с ржавыми потеками, самопальные вывески «секонд-хенда» и торговли моторными маслами бывший очаг культуры не украшали. Теперь, понятно, времена иные. «Боспор» ныне принадлежит великой и ужасной киносети «Созвездие» – тут уже не два зала, а аж пять. Старые кассы кинотеатра исчезли – на их месте красовалась глухая стена. Единственный вход прятался под низким обширным козырьком. Что там у них в рекламе? Боулинг-центр на двенадцать дорожек, спорт-бар, кафе и игровые автоматы. И куда они всю эту роскошь втиснули?

Андрей сунул под язык таблетку спогана, еще раз окинул взглядом мультиплексное великолепие и захромал к входу. М-да, на старый скелет успели натянуть новую шкуру. Явно не без труда напояливали. При ближайшем рассмотрении замурованный вход в бывший кассовый зал выдавал себя предательскими трещинами, ребристые лестницы запасных выходов, ныне в изобилии прилепившиеся по бокам кинотеатра, шелушились лохмотьями краски. Зато фасад густо оплетала замысловатая вязь неоновых трубок. Сейчас, по случаю утреннего времени, реклама была отключена, но по вечерам развлекательный центр наверняка льстил бирлюковцам иллюзией сияющего Лас-Вегаса. Андрей поднялся на широкий пандус. Здесь все по-прежнему – тротуарную плитку поменяли, но и формой и качеством покрытие здорово напоминало то, еще советское. В свое время Андрей здесь вволю покидал снега. В перестроечные годы приходилось подрабатывать дворником. Почистить снег, оно, конечно, молодому парню не в тягость, только лопата вечно за ребра плиток цеплялась и руки отбивала. Сейчас здесь наверняка мини-тарактелкой чистят.

Андрей достал сигарету. На широком пандусе «Боспора» было безлюдно. Только перед входом прогуливался грузный охранник – поглядывал на одинокого посетителя с очевидным неодобрением. На стеклянных дверях кинотеатра белело какое-то объявление. Курить под

бдительным взглядом стража порядка расхотелось. Андрей сунул сигарету обратно в пачку и пошел к дверям. Колено вело себя прилично – споган, известный своим слоганом «гони боль с первого щелчка», действовал почти мгновенно.

– Закрыто! – рявкнул охранник, выждав, пока посетитель подойдет вплотную к двери. – Читать не умеете?

– Почему не умею? – удивился Андрей. – Я вечернюю школу окончил. И еще курсы радиотелефонистов в армии.

– Так и идите отсюда. Ясно же написано.

– Вы насчет этого? – Андрей ткнул пальцем в аккуратное «Закрыто по техническим причинам». – Понял. А когда приходиться?

– Потом, – исчерпывающе пояснил охранник и поправил фуражку-шестиклинку. Воздух был не по-весеннему холоден, и головной убор забугорного образца плохо защищал мясистые уши стража мультиплекса.

– Ага, – Андрей кивнул. – Ну, я тогда пойду отсюда. Вы следователю Синельщикову при случае объясните, что ввиду непреодолимых технических причин явиться на допрос я не имел никакой возможности. Пусть в следующий раз за мной машину и проводников высылают.

– Так вы к следователю? Что же сразу не сказали?

– Вы же про мою грамотность интересовались, а не про то, куда я направляюсь.

Охранник посмотрел нехорошо, но ввязываться в дискуссию не стал. Выудил из глубокого кармана рацию и, отвернувшись, забормотал что-то неразборчивое.

Тоже мне, охрана стратегического объекта, понимаете ли. Андрей снова вытащил пачку «Явы», но даже достать сигарету не успел.

– Проходите, пожалуйста, – охранник махнул рацией.

Андрей вошел и порядком ошалел. Обдурили: если снаружи казалось, что старому «Боспору» сделали «подтяжку физиономии», то теперь стало понятно, – от бывшего скелета если что и сохранилось, то считанные косточки. Раньше здесь располагалось фойе Большого зала, а теперь... Андрей в изумлении глазел на причудливый стеклянно-металлический водопад. Конструкция ниспадала с высоты третьего этажа. Хм, выходит, они все перекрытия снесли? Фойе исчезло, про буфет и говорить нечего. Приглушенный свет сотен точечных светильников создавал впечатление хайтековского провала. Канализационного. Крысой-мутантом себя здесь чувствуешь. Андрей закрутил головой – куда идти-то?

Охранник за дверью активно махал рацией, указывая вверх. За недоумка принимает, что вполне объяснимо.

Андрей поднимался по лестнице. Справа тянулся все тот же засушенный каскад. Вокруг полное безлюдье. Черт, как будто в небоскреб попал. Экий лабиринт в не столь уж просторное здание втиснули. Пахнуло попкорном. С противоположной стороны мощно и приторно несло освежителем воздуха. Ну и где в этих ядовитых ароматах прикажете гражданина следователя искать?

– Гражданин Феофанов? Сюда, пожалуйста.

Из-за угла возник старший сержант в полной патрульной амуниции, включая бронежилет и АКСУ. Рядом некто в гражданском, по всему видно, опять же, из МВД. Вежливо улыбнулся, назвал оперуполномоченным Бирлюковского ОВД Зыряновым.

Особых грехов за собой Андрей не чувствовал, но стало как-то не по себе. Сержант двигался за спиной, на прорезиненном ковре шаги гасли, но все равно казалось, будто по тюремному коридору конвоируют. Нехорошо. Какие-то они напряженные оба. У сержанта автомат висит не как предмет, обыденной службе мешающий, а совсем даже наоборот.

Дверь, за ней вторая. Кожаный диван-бегемот, два кресла – гиппопотамьи подростки. Табличка – «HR-менеджер». В недурных условиях ныне кадровики трудятся, затянувшийся финансовый кризис их не сильно-то смущает.

После коридорного приглушенного освещения комната показалась ослепительно-светлой. Андрей моргнул.

– Ой, здравствуй, Андрюшенька! Ну, ты совершенно не изменился.

Хм, кое-что в «Боспоре» осталось неизменным. Ольга Яковлевна Яковлева. Чуть ссохлась, чуть ссутилась, но узнать можно. Обесцвеченные волосы торчат пухом одуванчика, но еще бодра старушка. Многолетний директор кинотеатра «Боспор», некогда подчиненного славному управлению кинофикации Красноармейского района города Москвы. Двадцать лет назад, когда Андрей увольнялся, расстались с директрисой не слишком-то по-доброму, но кто старое помянет, тому, как известно....

Ольга Яковлевна тархтела, расспрашивала о житье-бытье. Следователь Синельщиков – интеллигентного вида молодой мужчина, – вежливо испросив у Андрея паспорт, заполнял «болванку» протокола допроса. Еще один долговязый молчаливый тип делал вид, что изучает копии каких-то документов. Андрей машинально рассказывал о дочери и пытался понять: что этот вызов все-таки означает? Синельщиков насчет причин допроса выразился мягко – «следствие надеется получить помощь профессионала». Протокол, однако, готовил по всем правилам.

– Ой, славно, Андрюшенька, что хоть у тебя-то все в порядке, – Ольга Яковлевна оглянулась на следователя, – а у нас тут неприятности серьезные. Я, как ты понимаешь, давно уж не директор, но близко к сердцу принимаю. «Боспор» ведь нам не чужой.

– Вы, тетя Оля, прямо по делу рассказывайте, – разрешил Синельщиков. – Мы вас с Андреем Сергеевичем побеспокоили, чтобы вдумчиво и без излишней дипломатичности побеседовать с опытными людьми. Дело действительно крайне серьезное, и люди здесь все взрослые, серьезные.

В «Боспоре» было нехорошо. Сейчас, задним числом, поговаривали, что нехорошо стало еще во времена реконструкции. Несчастных случаев тогда приключилось много. Впрочем, стройка тянулась долгие пять лет. Деньги у заказчика то появлялись, то заканчивались, соответственно работы то возобновлялись, то затухали. Вроде бы четверо рабочих проявили предосудительную небрежность в соблюдении правил техники безопасности. Впрочем, возможно, пострадало и больше: статистика несчастных случаев – дело лукавое, а скромные похороны трудолюбивых, но неосторожных гостей из самой центральной из всех имеющихся Азий резонанса не вызывают.

В новом обличье «Боспор» проработал уже год и четыре месяца. За это время случилось шесть «особо тяжких». Четыре убийства (одно из них двойное) и покушение на убийство. Одно дело было раскрыто – повздорили джигиты на почве неприязненных отношений, один схлопотал две пули прямо у игрового зала. Стрелок под давлением неопровержимых улик чисто-сердечно сознался в содеянном и уже отбывал наказание в местах не столь отдаленных.

– Наркоманы-героинщики, – со знанием дела пояснила Ольга Яковлевна. – Одно время тусоваться у нас пытались. Но, слава богу, родное ОВД и служба безопасности мультиплекса бдительность вовремя проявили.

– Бдительность – это хорошо, – пробормотал Андрей. – Я с героинщиками тоже сталкивался. «Дурь», она и есть «дурь».

– К сожалению, с бдительностью у нас не так уж хорошо, – сумрачно заметил следователь и кивнул Ольге Яковлевне: – Вы продолжайте, продолжайте.

Экое красноречие прорезалось в бывшей директрисе. Раньше склонности к театральным паузам и переходам на таинственный шепот за Ольгой Яковлевной вроде бы не замечалось. Взахлеб изливает какое-то «мыло» криминальное. Поножовщина, трупы, разбросанные по закоулкам развлекательного центра. Сейчас поведет демонстрировать плохо отмытые кро-

вавые пятна. Хотя нет – ныне в «Боспоре» уборочная служба поставлена по последнему слову техники, от любого смертоубийства лишь аромат химической лаванды остается.

– Обратите внимание, Андрей Сергеевич, – вставил Синельщиков, – причина смерти в подавляющем большинстве случаев, – колото-резанные раны. Нанесены с особой жестокостью и цинизмом. Отдельно проходит убийство в декабре. Пострадавший убит выстрелом в лицо. Между прочим – 357-й «Магнум».

– Да хоть КПВТ¹, – Андрей не удержался. – Вы к чему мне все эти страсти рассказываете? Честное благородное слово, я в «Боспоре» двадцать лет не был. Да и привычки с особым цинизмом чикать людей ножичком не имею. Насчет декабря у меня вообще железное алиби.

– Да вы о чем? – Синельщиков даже развел руками. – Никоих подозрений на ваш счет у нас не имеется. Наоборот, искренне надеемся на сотрудничество. И про декабрь и госпиталь мы вполне в курсе. Вы уж извините, пока вас разыскивали, узнали. Как, кстати, сейчас ваша нога?

– Терпимо, – пробормотал Андрей, косясь на молчаливого типа, притаившегося за полированным столом из поддельного зебрано. Возникло чувство, что как раз этот сутулый здесь главный. Молчун на секунду поднял от бумаг глаза, кивнул с непонятым выражением.

Андрей поморщился:

– Слушайте, нельзя ли доступно объяснить, что от меня-то требуется?

– Полиции помощь нужна, – с явным осуждением сказала Ольга Яковлевна. – Ты, Андрюша, не вспыхивай. Не мальчик уже. Люди же гибнут и пропадают.

– Еще и пропадают? – Андрей повернулся к следователю. – Вы уж извините, я явно чего-то недопонимаю. Ольга Яковлевна у вас что – на общественных началах курирует процесс дознания? Как заслуженный боец идеологического фронта?

Старушка надулась, следователь вертел в пальцах ручку и молчал.

Андрей пощупал в кармане пачку сигарет. Ерунда какая. Нечего было в такую даль тащиться. Вполне мог бы на хилое здоровье сослаться. Что этому следователю нужно-то?

– Андрюшенька, ты подумай серьезно, – примирительно сказала Ольга Яковлевна, – может, придет что в голову? Не время нам сейчас старые обиды вспоминать. Товарищам следователям идеи нужны. У тебя голова молодая, светлая.

– Ага, юный, еще не отягощенный интеллектом мозг, – согласился Андрей.

– Какие тут шутки могут быть?! – в голосе отставной директрисы сверкнул былой металл. – Маньяки ведь у нас завелись. Каждый гражданин обязан проявить полную сознательность. А уж ты-то – тем более.

– Я проявляю. Полон негодования. Если этих типов стукнут при «попытке сопротивления», так я подобную случайность поддерживаю целиком и полностью. О чем я, собственно, еще думать должен?

– Например, каким путем они в развлекательный центр проникают и как отсюда исчезают, – вкрадчиво подсказал следователь.

Андрей посмотрел на него с некоторой опаской:

– Гражданин Синельщиков, у меня алиби все-таки имеется или нет?

– Имеется, имеется. Вы, Андрей Сергеевич, приглашены как опытный специалист, знакомый со зданием, так сказать, практически, то есть изнутри.

– Да тут же от старого «Боспора» одни несущие стены остались! Вон, даже кассовый зал с улицы вглухую замуровали.

– Если говорить по существу, часть несущих перекрытий тоже реконструирована, – следователь с отвращением посмотрел на пачку мятых чертежей. – Мы понимаем, что вы знакомы исключительно с первоначальной планировкой. В данном случае именно это и ценно. У

¹ КПВТ – 14,5-мм крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый.

следствия имеются весомые подозрения, что преступники пользуются коммуникациями, уцелевшими от первоначальной конструкции кинотеатра. Как вы оцениваете подобную версию? Может быть, вентиляционные колодцы, система водяного охлаждения? Там ведь в аппаратных специальное оборудование стояло. Вы ведь здесь не один год проработали. Что приходит в голову? Ну, если навскидку?

– Навскидку я думаю еще хуже, чем стреляю. Но система водяного охлаждения исключается – по сути, подводка была стандартная водопроводная, только в случае необходимости давление воды усиливалось стационарными насосами. Вентиляционные колодцы и коробка воздухопроводов действительно были широкими. Мне самому по ним лазить приходилось. Но вряд ли они сохранились. В любом случае, вентиляция за периметр здания не выходила. Крыша, подвалы...

– И то, и другое исключено, – быстро сказал Синельщиков. – Подвалы, то есть нынешний зал боулинга и оба бара, проверялись неоднократно. Силовую и венткамеры обследовали самым тщательным образом. Там даже звукоизоляцию со стен демонтировали. О крыше говорить смешно – там все под контролем, камеры слежения новенькие. Весь периметр как на ладони. Мониторы цветные, двойная запись идет. Здесь служба безопасности такие деньги осваивала...

– Ну так и спрашивайте у службы. Камеры, мониторы, надзиратели мордатые. Я здесь при чем? Если вам истинно дилетантский совет так уж необходим – так секьюрити и проверяйте. Они, по-моему, вечно на две ставки трудятся.

– Андрей Сергеевич, вот учить, кого нам проверять, не нужно. Мы людей здешних просмотрели весьма внимательно.

– Не сомневаюсь. Честное слово, товарищ следователь, я в жизни к детективной деятельности ни малейшей склонности не испытывал. Разве что на службе со скуки парочку книжечек прочел. Серьезность совершенных преступлений я осознаю. Двадцать лет назад я бы вас в каждый закоулок «Боспора» лично проводил. Так нет уж тех закоулков. Да и любой инженер вас куда детальнее проинформирует. Ольга Яковлевна, подскажите товарищам. У нас ведь такие знающие люди работали. Вот Евсикова взять или Медина...

– Закоулки те на планах не сохранились. И с опросом старых кадров сложновато. Не всех, знаете ли, пока удастся отыскать, – мрачно заметил следователь.

– Ну вы уж как-нибудь отыщите. Я ведь только так, ходил-работал посменно. О деталях архитектуры и особенностях установки оборудования не задумывался. Казематов и тайных ходов, ведущих к царской «либерии», не знаю.

– Куда ведущих? – нервно заерзал Синельщиков. – Вы способны по делу говорить? Два дня назад в этом здании исчез наш наряд. В полном составе исчез. Четверо оперативных работников. Опытных и вооруженных. Понимаете ситуацию?

Его худой коллега наконец поднял голову,

– Так, товарищи. Необходимо передохнуть. Андрей Сергеевич пока с мыслями соберется. Тетю Олю домой отпустим – мы заслуженного человека который день мучаем. Андрей Сергеевич, вы ведь курить хотите? Там дальше по коридорчику специально отведенное место имеется.

«Ява» горчила. Разучились делать. Андрей смотрел в окно на Бирлюковскую. Время к одиннадцати, а пробка не рассосалась. Финансовый кризис третий год свирепствует, безработица растет, а народ из спальных районов на работу торопиться все равно не желает. Тягостное ныне бытие. Хм, спровадит сейчас этот вежливый следак вас, уважаемый Андрей Сергеевич, в СИЗО, и потом не торопясь выдавит признание в серийных убийствах с массовыми похищениями. Вот тогда прочувствуете, как хорошо и уютно раньше жили. Тьфу, будь оно проклято, такое счастье. Интересно, куда, в самом деле, мог целый наряд деться? Они же вроде

настороже должны были быть. Не рутина, усиление режима, место преступления, то да се. Сговорились дезертировать? Так ведь не срочники, не из-за оружия же городить весь этот спектакль с исчезновением? Нужно было спросить: как у них на семейном фронте? Если одинокие, то не исключено...

Тыфу три раза! В самом деле в детективы записался? Смешно. Следствие ведут хромые пенсионеры-отставники.

Нет, смешно не было. Андрей курил, стараясь сосредоточиться на «пробке» у перекрестка и отогнать дурные предчувствия. Только взгляд все время упирался в собственное отражение в оконном стекле.

Быть пенсионером Андрей еще не привык. Если не считать госпиталя, всего два месяца законно бездельничал. Сорок пять лет – не мальчик, конечно, но столь рано заканчивать трудовую деятельность он никогда не собирался.

Узколицый мужчина, отражающийся в полужеркальном модерновом окне «Боспора», смотрел хмуро. Рожа бледная, болезненная. После госпиталя высокий рост обернулся костлявой сутулостью. Из-за неверия в больную ногу появилась привычка удерживать наклон корпуса влево. М-да, хорошо еще место в метро не уступают. Просто красавец мужчина: холостой, утонченно-бледный, с ярко выраженным левым демократическим уклоном.

– Андрей Сергеевич, зажигалочкой не выручите?

За плечом стоял второй следователь, молчаливый. Разминал сигарету.

Андрей от неожиданности не вздрогнул, достал зажигалку:

– Вы если меня пугать вздумали, то напрасно. Я в госпитале всякого насмотрелся, могу и приступ истерики изобразить. С пеной на роже, нечленораздельным матерком и катанием по полу. И в штаны наделать не постесняюсь. Уж очень мне в камеру не хочется. Надоели, знаете ли, казенные матрацы.

– Что, в ЦВГ² койки поменяли? – Худощавый вернул зажигалку. – Мне помнилось, там вполне современные лежа стояли. Мягкие и с изменяемой геометрией.

– Интересовались, значит? Ну и что посоветуете? Как избежать тюремных матрацев? Или меня для острастки вообще на голые нары сунут?

– Хм, не могу сказать. – Худощавый с наслаждением выпустил дым, – курил он что-то качественное, с мудреным сложным ароматом. – Полагаю, матрацы в любой камере, кроме «обезьянника», имеются. Вот с перенаселением в следственном изоляторе проблемы. По слухам, наблюдается существенный приток в столицу криминального элемента.

– Что значит «по слухам»? Раз вы «добрый полицейский», то должны пугать обстоятельно, с неподдельным сочувствием и знанием реалий. Про пидоров мне расскажите, про беспределщину отмороженную.

– Увы, я не по этой части. В смысле, не только про тюремные секс-меньшинства ничего интересного не могу поведать, но и вообще со спецификой МВД и ГУИН знаком слабо.

Андрей покосился на невозмутимого собеседника:

– Что-то не верится в вашу неосведомленность. Вы уж простите, но погоны даже сквозь ваш лапсердак просвечивают.

– Отрицать и мысли не имею. Только я по другому ведомству проходил. Имел честь бороться с врагом внешним – тем, что большими толпами кучкуется, вместе с танками и авиацией. Впрочем, разделение устаревшее и условное. Тем более с некоторых пор я в отставке и здесь нахожусь как лицо сугубо штатское, вызванное, как и вы, на консультацию. Представляю ФСПП – Фонд содействия поиску пропавших. Меня, кстати, Александр Александрович зовут. Да, чтоб у вас не оставалось сомнений – в ЦВГ я заглядывал не по вашу душу, а на ежегодное

² ЦВГ – Центральный военный госпиталь.

обследование. Мы с вами в некотором смысле коллеги. Мне в свое время тоже с нижними конечностями не повезло. Двенадцать штифтов поставили.

– Значит, перещеголяли вы меня?

– Андрей Сергеевич, я штанины задирать не собираюсь. Не верите – дело ваше.

– Да я что? Я верю. Я вообще доверчивый. – Андрей сунул окуроч в никелированный зев девственно чистой пепельницы. – Я вас, Александр Александрович, спрашиваю как человека гражданского, но знающего, – меня прямо отсюда заберут или еще погулять позволят?

– Полагаю, задерживать вас нет причин. Алиби у вас железное. Никаких личных отношений с пострадавшими в «Боспоре» вы не имели. Конечно, товарищ Синельщиков от больных нервов вам может какую-нибудь пакость устроить, но это когда-нибудь попозже, в свободное время. Сейчас у здешнего УВД иные проблемы. Мы с вами к полиции можем по-разному относиться, но к исчезновению своих сослуживцев здешние товарищи равнодушными не остались. Но к вам, Андрей Сергеевич, органы конкретных претензий действительно не имеют.

– А неконкретные претензии имеют?

– Сложный вопрос. Но вам-то зачем беспокоиться? Совесть у вас чиста, значит, сейчас покончите с формальностями и потихоньку поедете домой. Отдыхать.

Андрей развернулся к собеседнику.

– Я чего-то не понимаю. Во что я вляпался, а? Уж снизойдите, объясните инвалиду, уважаемый Александр Александрович.

Сухощавый тип глянул холодно:

– Все вы понимаете, Андрей. Пропали люди. Их ищут. Все предельно просто.

– А я-то при чем?! Я к этому патрулю, враз сгинувшему, какое отношение имею? Чем я помочь могу? Старую канализацию отыскать? Глупости какие.

– Остатки канализационного коллектора, по которым уползают коварные злоумышленники, в нашем случае действительно маловероятны. Но остальные ваши выводы не столь логически безупречны. Во-первых, пропал не патруль. Товарищ Синельщиков отчего-то постеснялся назвать вещи своими именами. Пропала засада. Люди подготовленные и хорошо вооруженные. Вы к произошедшему отношения не имеете. Но имеете прямое и непосредственное отношение к истории «Боспора». Следовательно, можете помочь.

– Черт! Не хрена не понимаю. Прямо можете сказать?

– Моя бы воля, только прямо и говорил бы, – Александр Александрович вздохнул. – Только прямо говорить не получается. Я пробовал. Знаете, Андрей, закурите моих – от вашей «Явы» горло даже у меня дерет. Совершенно разучились делать. А ведь были времена...

Андрей в легкой оторопи взял темную сигарету, вдохнул богатый дым.

– Так вот, – Александр Александрович сощурился на «пробку» у перекрестка. – Вы меня постарайтесь не перебивать хотя бы минуту или две. Напрямую многие вещи странно выглядят. Вы заметили, что мы с вами в узком кругу общались? Синельщиков не в счет – он по долгу службы присутствует. Бабуля ваша – молодец – старой закалки дама. А вот начальник местной службы безопасности позавчера скоростно уволился и спрятался в клинике на Митинском шоссе. Его зам предусмотрительно дал деру еще восемь дней назад. У него заболела родственница жены. Аж в Белоруссии проживает бедная женщина. Рядовые сотрудники бросили трудовые книжки и невыплаченную зарплату и покинули вверенный им объект позавчера. Осталось четверо. Те, что стоянку охраняли, теперь за главным входом приглядывают. Внутрь не заходят даже погреться. Менеджеры, кассиры, бармены, контролеры билетов – не осталось никого. Исполнительный директор обещал царские премиальные – не нашлось желающих. Правда, сам исполнительный директор грипп подхватил и руководит из дома. Электрики и прочие эксплуатационники приходят раз в день под охраной полиции. В общем, у всех «троюродная гомельская тетка захворала». Забавно, но не очень. Призраки у нас здесь, видите ли, завелись. Предрассудок вопиющий, но народ проникся по полной программе. Привидения

и потусторонние звуки всем чудятся. Между прочим, из обслуживающего персонала за этот год никто не пострадал. В кинотеатре, как вы знаете, много звуков. И вот их начали считать зловещими. Натуральное нашествие привидений. Эпидемия.

– Много их? Привидений? Может, исполнительному директору имеет смысл на батюшку потратиться? Окурит здесь все, освятит.

– Четырежды из Патриархата приезжали. Вы, Андрей, не ухмыляйтесь. Простой «Боспора» обходятся в кругленькую сумму. И батюшки здесь были, и экстрасенсы, и обаятельная дама невнятных способностей из-под Кинешмы приезжала. Вы ее давеча по телевизору не видели?

– Я только футбол смотрю. И еще MTV иногда. Там девки ногастые и бесстыжие. Вы чего от меня хотите? Призраки совсем не по моей части. Сейчас совершенно алкоголь не употребляю. Так что в облаве на йети и зеленых человечков участвовать не способен при всем желании. Да, и еще я атеист. Инстинктивный. Это в наши времена криминал, или товарищ Синельщиков меня простит на первый раз?

– Да перестаньте вы юродствовать, Андрей. Вы только что совершенно напрасно высказывали опасения, что во что-то вляпались. Нет, – это сейчас я вам вот предлагаю вляпаться. По-крупному вляпаться. Совершить атеистический подвиг.

– То есть?

– Окажите помощь следствию. Добровольно и почти безвозмездно. Подежурьте здесь пару ночей, а? В качестве временного ночного зрителя. Вы же здесь вроде как ветеран? Когда-то сторожа подменяли. Нам тетя Оля рассказывала.

Андрей пожал плечами и демонстративно уставился в окно. Александр Александрович напирать не стал, тоже разглядывал намертво вставший поток машин. На повороте широкий «Хаммер» уткнулся в бок автобусу. Из вездехода вывалились двое грузных господ и начали дергать водительскую дверь автобуса. Водитель благоразумно не открывал. Зато пассажиры, невзирая на начавшуюся морось, высовывали головы из окон и воздействовали на «хаммеристов» вербально. Ненормативный текст из-за отдаленности и хорошей звукоизоляции «Боспора» слышен не был.

– Надолго встали. – Александр Александрович вздохнул. – А мне еще на Пятницкую переться.

– Ну и езжайте себе потихоньку. Только скажите, что за санкции мне грозят. Дежурить по ночам дурацким пугалом и штрейкбрехером я не собираюсь.

– Тьфу, ну и упертый вы тип, Андрей. Какие санкции? Ну вытащит вас Синельщиков еще на пару допросов. Переживете. Шанс вы профукали.

– Какой шанс?

– Незабываемо провести вечерок. – Александр Александрович сунул докуренный до темного фильтра «бычок» в пепельницу. – Могли бы посидеть в тишине, проникнуться духом новомодных веяний киносинематографии. Вспомнить былое, попить бесплатного кофе. При определенном стечении обстоятельств познакомились бы с местными призраками или, как их там правильно следует называть, – энергосгустками?

– Вы в своем уме?

– Психолог нашего фонда уверяет, что я определенно здоров, – Александр Александрович усмехнулся. – Хотя у меня частенько возникают сомнения. Но это к слову – сейчас мы, москвичи, бодры и здравомыслящи как никогда, – худошавый мотнул подбородком в сторону окна.

«Хаммеристы» вдвоем повисли на ручке водительской двери – казалось, автобус раскачивается от мощных рывков. У тротуара уже собралась небольшая толпа. Из машин выходили водители, желающие лично поучаствовать в разборке.

– Сумасшедший дом, – пробормотал Андрей.

Александр Александрович согласно кивнул головой, украшенной узкими залысинами, и пошел к кабинету.

– Эй, это я ваших призраков имел в виду, – сказал вконец обалдевший Андрей.

– Призраками я их именую от недостатка спецобразования. Правильнее их именовать отраженными псевдоличностями. – Александр Александрович оглянулся. – Знаете, если вам небезынтересно, заходите в кабинет. Только давайте условимся – мы все в своем уме. У меня есть справка, да и вы совсем недавно комплексное обследование проходили. Ну а товарищу Синельщикову здравомыслящим по роду службы надлежит быть. Кроме всего прочего, как я понимаю, сегодня вы никуда не торопитесь. Давайте пару дней в команде поработаем.

* * *

– Так я здесь один буду? – Андрей чувствовал себя тупым как валенок.

– Усиленный наряд останется дежурить у остановки, – сказал Синельщиков и нервно посмотрел на Александра Александровича.

– Мы с вами предельно откровенны. – Сухощавый представитель невинной организации постучал карандашом по исписанной странице ежедневника. – Засада, в смысле – усиленный наряд, внутри «Боспора» уже присутствовала, и весьма безуспешно. Собственно, в первую очередь судьбу наряда мы сейчас и пытаемся прояснить. Вы, Андрей, здесь человек свой. Попытайтесь разобраться.

– А если меня самого... разбирать начнут? Ваши бойцы, как я понимаю, помощь окажут, только если я выбегу и, придерживая кишки, на капот их машины рухну?

– Не сгущайте краски. Никто из персонала мультиплекса не пострадал. Но если что-то случится, как только вы из «Боспора» выскочите, – ребята вас прикроют и помощь окажут. Вне зоны воздействия мы их в бараний рог мигом скрутим, – заверил Синельщиков.

– Кого «их»? Призраков? – ошеломленно спросил Андрей.

– Ну, в эти фантомы мы не верим, – сказал Синельщиков. – Но мало ли как ситуация сложится. Не стоит волноваться, это я вас на всякий случай информирую о непосредственной задаче, поставленной нашим работникам. Вы, главное, подпишите, что дежурить готовы, а Александр Александрович вас подробно проинструктирует, как себя вести.

Андрей обвел глазами кабинет. Вроде стильная мебель, но как-то пустовато. И вообще в неузнаваемом «Боспоре» странно. Действительно, в призраков поверишь. Сейчас почему-то остро ощущалось, что в огромном здании никого нет. Из живых. Только этот ментяра нетерпеливый и невозмутимый Александр Александрович. «Фонд содействия поиску пропавших», надо же. Нехитрая ширма для спецконторы. Кто здесь кого все-таки дурит?

– Подписывайте, – Синельщиков подсовывал заполненный бланк трудового соглашения.

– Да погодите вы, я же не понял ничего. Что за фикция – трудовое соглашение на трехкратное ночное дежурство? Честно скажите – почему именно я должен ночью под нож пузо подставлять? Честно скажите – я подумаю. А иначе ничего подписывать в принципе не буду.

Следователь глянул недобро и с силой насадил колпачок на авторучку.

– Мы, Андрей Сергеевич, силой вас ничего делать не заставляем.

– Подождите. – Александр Александрович потер переносицу. – Давайте по пунктам. Какова ситуация? Расследование УВД Южного округа зашло в тупик. Нужна пауза для аналитической работы. Мы, то есть «Фонд содействия поиску пропавшим», как официальный консультант городского УВД, пришли к выводу, что требуется привлечение гражданского специалиста, знакомого со спецификой данного объекта. Вы, Андрей, полностью нам подходите. С работой кинотеатра прекрасно знакомы. Не заблудитесь здесь в залах и переходах. Имеете некоторый опыт экстремальных ситуаций. Не суеверны. К тому же, уж простите за откровенность, человек вы свободный, семьей в данный момент не обремененный.

– Следовательно, плакать и требовать пенсию над моим хладным трупом никто не будет, – пробормотал Андрей.

– Совершенно верно, – худощавый специалист по поиску улыбнулся. – Вы, Андрей, не обижайтесь. Обычная ситуация. У нас в ФСПП полным-полно подобных одиноких неудачников. Да я и сам такой. У меня, правда, целых две дочери, и официально в разводе я состою всего полтора года. Не обижайтесь. Конечно, мы могли бы и другую кандидатуру найти. Но у вас неоспоримое достоинство – вы много лет проработали в «Боспоре».

– Так это четверть века назад было!

– Именно. Вы не заражены современными предрассудками. В советские времена фантазии о призраках сочли бы неостроумными. «Боспор» для вас почти дом родной. Кому как не вам...

– А если здесь обычная уголовная шайка орудует? Перережут мне глотку, мобильник заберут, да и дело с концом.

– Обычных мы бы давно взяли, – тоскливо сказал Синельщиков. – Нет здесь обычных. Камеры слежения, наружное наблюдение, охрана – вы же понимаете... Вы про наших пропавших сотрудников подумайте. Хоть какую-нибудь зацепку дайте.

Глядя, как следователь пытается снять с ручки плотно севший колпачок, Андрей неожиданно понял, что Синельщикову страшно. Очень страшно. Кажется, у него даже колено дрожит. То-то стол скрытно вибрирует. Неужели это пустой «Боспор» на мента так давит?

– Так, принципиальные вопросы мы решили, – сказал Александр Александрович. – Вы, товарищ следователь, езжайте, готовьте группу наблюдения и поддержки. А мы с Андреем Сергеевичем мигом детали обсудим.

Синельщиков вышел, судорожно зажав под мышкой папку. Андрей прислушался к шагам, мгновенно угасшим на мягком покрытии:

– Дойдет сам-то?

– Дойдет. – Александр Александрович посмотрел на грязную кофейную чашку, забытую на столе, вероятно, еще удравшим HR-менеджером. – Знаете, Андрей, мы с вами довольно толстокожие, но это не дает нам право бегло судить о других.

– Виноват. Я только сейчас допер, как его крутит. Так нужно это трудовое соглашение подписывать?

– Да черт с ним. Сбежать вам все равно никто не запретит. Все обойдется – свои три тысячи обязательно получите. Сейчас двенадцать дня – подойдут эксплуатационники, пройдитесь с ними по техслужбам. Потом домой езжайте, отдохните. Явитесь сюда к 21.00. На дверях будут ждать охранник и представитель группы прикрытия. Машину за вами прислать?

– Своим ходом быстрее доберусь. – Андрей встал. – Можно один вопрос напоследок?

– Да хоть десяток. Только на ответы толковые особенно не рассчитывайте. Мы сами не понимаем, куда бойцы делись.

– Давно в «Боспоре» это? – Андрей неопределенно повел рукой. – Страшно людям здесь давно?

– Затрудняюсь сказать. Обычно чуждость и необычность атмосферы начинают ощущать в тишине и одиночестве. Нужен провоцирующий толчок – хотя бы слухи, сплетни. А здесь, как вы понимаете, еще два дня назад одновременно находилось множество людей. Кто сыграл роль детонатора, мы не знаем.

– Понятно. В смысле, ничего не понятно. Слушайте, а мне флакон со святой водой, серебряную финку или еще что-нибудь этакое не положено?

– Серебряных клинков, увы, на вооружении не имеем. Чеснок и осиновые колья, насколько я знаю, не помогают. Разве что как профилактика вирусно-респираторных заболе-

ваний. Андрей, если вы кого и встретите ночью, то советую постараться вступить в контакт и мирно поговорить. Иначе шансов у вас будет маловато.

– Воодушевляет. Вы вообще-то не можете сказать – зачем я на вашу дурацкую авантюру согласился? Предложение-то совсем того... безумное.

Александр Александрович пожал плечами:

– Согласен. Мы с вами, Андрей, взрослые мужчины. Опыт подсказывает, что порой нужно рискнуть. Скребется тараканчик такой в душе, подзуживает – давай, давай, сделай глупость. Иной раз оказывается – шепот providенья. Иной раз – натуральное насекомое завелось. Пожалуйста, вечером не опаздывайте, Андрей Сергеевич.

* * *

Вечерний обезлюдевший «Боспор» Андрею неожиданно понравился больше. Этакий лабиринт из модных современных материалов. Освещение в целях экономии приглушено, тишина, лишь игровые автоматы неуверенно подмигивают разноцветными искрами-лампочками. Даже омерзительный запах освежителя повыветрился.

Андрей не торопясь поднялся на второй этаж. В сумраке нелепый прозрачно-красный каскад, так изумивший утром, казался декорацией к какому-то мультипликационному блокбастеру – сейчас высыпет легион коротышек с реактивными ружьями наперевес, займет позиции на бастионах-уступах. А снизу начнут наступление колонны зеленых пупсиков-пришельцев.

Внизу, у дверей, что-то мелькнуло. Андрей с удивлением обернулся. Пусто. Не иначе разведывательный флаер зеленых агрессоров. Черт бы взял современный кинопрокат – поразвешали плакатов кретинского Голливуда, со стен не пойми кто на тебя смотрит. Раньше хоть дамы интересные красовались, а теперь сплошные мутанты. Вот это кто – в обнимку с жизне-радостной рыбкой? Человеко-рак? И что нынче детям показывают?

Краем глаза Андрей следил за пространством у входной двери. Определенно движение не почудилось. Неизвестный мог к кассам шмыгнуть или за лестницу-каскад. Сверху толком ничего не просматривается. Но на кой черт злоумышленнику мелькать перед дверьми? И снаружи могут заметить, и сам новоявленный ночной смотритель еще отойти не успел. Криминальный элемент уже окружать начал? Вряд ли, ни один охранник в «Боспоре» и вправду не пострадал. Сгинувшую засаду считать не будем – она по отдельной статье идет. Все местные секьюрити разбежались живыми и здоровыми. Что здесь все-таки произошло? Возможно, страху специально нагоняют, а дело идет к обычному рейдерскому захвату. Сейчас отъем доходных предприятий снова вошел в моду. Хотя «Боспор» нынче особо жирным куском не выглядит. Что-то толп желающих развлечься у дверей не наблюдается. Понятно, что мультиплекс все равно закрыт «по техническим причинам», но маловероятно, что все Бирлюково об этом событии уже извещено и потому по домам сидит.

В кармане пискнула рация. Андрей вздрогнул, вытащил компактную «Тоон». Рация зашуршала и загробным голосом осведомила: как обстановка? Андрей ответил, что обстановка рабочая, обход помещений продолжается. Неживой голос пожелал успехов и отключился.

Андрей сунул приятно увесистый овальчик рации обратно в карман. Значит, не спит «кавалерия». Случись что – мигом прискачут выручать да вытаскивать. Если, конечно, двери будет кому открыть. Замок Андрей запер собственноручно – электронной карточкой, выданной под расписку исполнительным директором «Боспора». Передача символа ночной власти происходила в теплом салоне «Ауди». Заходить в кинотеатр исполнительный директор постеснялся, но осчастливил нового охранника электронным ключом и тяжеленным ремнем, на котором болтались электрический фонарь полуметровой длины, чехол с баллоном слезоточивого газа и наручники в новенькой кобуре. Хорошо еще, фуражку не всучили. Затем Андрей прошел

инструктаж у капитана – старшего полицейской группы прикрытия. Разговаривали в «Газели» – заходить в «Боспор» доблестные работники Бирлюковского ОВД тоже не пожелаали, ссылаясь на строгости инструкции. Ни Александр Александрович, ни следователь Синельщиков начало операции своим присутствием не почтили. Хотя и не соврали – в прикрытии отрядили ребят здоровых, омовской наружности. Андрей в свое время таких навидался – в Хочой-Та рядом с тульским СОБРОм стояли.

Натуральная операция «Ловля на живца». Вот только остается совершенно непонятным, почему именно Андрей Сергеевич Феофанов показался лучшей наживкой. Или просто другого дурака не нашлось?

Андрей для порядка заглянул в туалет. Нормально – краны закрыты, изодранные дамские трусики перед кабинками не валяются. И из писсуара никто с окровавленным тесаком не высунулся.

Запахи мультиплекса подвяли, но все равно в небольшом фойе ощущался неистребимый запах попкорна. Полукруглые диваны, стойка с подвешенными вверх ногами бокалами и малопонятными хромированными машинами. Андрей постоял перед баром. В углах фойе шепталась, чуть слышно хихикала темнота. Наверное, в обычные дни здесь тусовалось буйное бирлюковское тинейджерство. Несчастных родителей стоило пожалеть. Расценки на билеты Андрей видел внизу. А тут детишкам еще и коктейль или кофе из навороченного аппарата надлежит взять. И девочку угостить. И новым мобильным телефоном блеснуть, и о центральных ночных клубах со знанием дела упомянуть. Нет, раньше все демократичнее было.

Зал, небольшой – на 140 зрителей, благоухал скорее не кино, а роскошным туристическим автобусом. Андрей постоял в дверях. Входить в полутьму не хотелось. Вряд ли между широких кресел залег злоумышленник, но... Чужое все здесь. И эти подлокотники с посадочными дырками под стаканы чудно выглядят. Иные времена.

Вспоминая, когда же он был в кинотеатре после работы в старом «Боспоре», Андрей поднялся на третий этаж. Вспомнил: был два раза – жена затаскивала. Что смотрели, вспомнить не смог – в зале сидеть было мучительно неудобно, да еще сверхсложные звуковые эффекты отвлекали от сюжета. Стерео, долби-звук – фигня это, господа. Техника вторична. Кино – это нечто иное.

Андрей постоял, облокотившись о перила. Колено, обиженное обилием ступенек, ныло. В тишине четко тикали часы, висящие над выходом в коридорчик. Там прятались административные кабинеты. Новая архитектура «Боспора» причудливо перемешала служебные помещения и развлекательные залы.

Пискнула рация. Ага – значит, полчаса прошло. Не спят, служивые, режим связи соблюдают.

– Полет нормальный, – ответил Андрей удаленному голосу капитана. – Продолжаю обход, подозрительного не отмечено.

Рация отключилась, а отзвуки одинокого человеческого голоса еще висели под угловатыми светильниками, не торопились растворяться в полутьме лабиринта. «Боспор»: игровые автоматы, ступеньки каскада, кресла и столики, запертые витрины и двери с табличками, диваны-недомерки и пальмы в каменных ящиках – все слушало голос чужака. И еще кто-то слушал. Андрей, небрежно придерживая длинную рукоять фонарика, обернулся.

Никого. Только лупоглазые заокеанские посланцы с любопытством глазели с застекленных плакатов. Андрей мрачно посмотрел на ближайшего – вихрастый, по-девичьи хорошенький мальчик, очевидно, дальний родственник Гарри Поттера угрожающе замахнулся магическим посохом. Ну-ну, смотри не урони палку, пионер. Раньше бы тебе наган в руки сунули и Ксанкой называли. И кассовый сбор ты бы сделал солиднее, чем с этой волшебной базуккой в лапках.

Рисованных созданий бояться было нечего. Безвредные. Они за стеклом томятся, и вы, Андрей Сергеевич, за стеклянными дверьми заперты. И даже жезл магический с шестью элементами питания в рукоятке у вас наличествует. Ну-с, делом пора заниматься.

Помахивая фонариком и временами включая его, Андрей проверил зал № 3. Мощный луч осветительной «дубинки», отражаясь от многочисленных стекол, создавал иллюзию жизни. Интересно, видно игру фонаря снаружи? Отчего-то захотелось спуститься поближе к дверям. Может, подойдет капитан поболтать? Поделиться какой-нибудь свежей ориентировкой, покурить, потрепаться?

Андрей со злостью плюхнулся в кресло и достал сигареты. Пора признаваться. Трясетесь вы, товарищ отставной сержант. Херня, ни в какую банду вы не верите. По крайней мере, сейчас преступникам здесь делать нечего. Только все равно страшно. Тупо и бессмысленно страшно. Как в детстве. Ладно бы темно было. Сотня ламп вокруг – только головой крути. Пусть и не вся иллюминация сияет, но света с избытком – хоть читай, хоть вышивай крестиком. Вон проезжающие по Бирлюковской улице автомобили видны. Отчего же чувство, что часовым в густой чаще торчишь и колючие лапы ельника тебя по плечам похлопывают?

Табак в «Яве» тихонько потрескивал. Андрей жадно втягивал дым. Прав Александр Александрович – одинокому мужику бояться нечего. Никто тебя не ждет, никому ты не нужен. Самое время рисковать безоглядно. Только какой же это риск, в рот тебе ноги? На грани истерики изволите беспричинно пребывать. Стоит глаза закрыть, и чувствуешь, как за спиной кто-то возникает. Сейчас как даст по шее – может, не нравятся ему твои сигареты?

Андрей тщательно затушил окуроч, щелчком отправил за кадку искусственного минипипариса. Встал и, не оглядываясь, отправился вниз. Работа есть работа. А оглядываться необязательно. Тем более за спиной никого нет и быть не может. Никакие криминалы в прятки с тобой играть не будут. Нужно было бы, так уже прирезали бы. Только нет здесь никого.

Как раз проходил у входа, как напонила о себе рация. Капитан сказал, что у них ничего нового. Андрей согласился – нового у него тоже не наблюдалось. Страх дурацкий, так и он уже не новость. Впрочем, насчет страха докладывать незачем – менты и сами-то...

Черт, неужели они там, в «Газели», тоже очкуют? Может, это психическое? Этакая заразная долгоиграющая паника? С нормальной паникой Андрей был неплохо знаком. Но здесь с чего бы трястись? У группы в машине оружие. Дело известное: «АК» отнюдь не всесильный магический жезл, но, когда сжимаешь машинку с полным магазином, однозначно легче становится.

Андрей шел вниз, в зал для боулинга. Вообще-то, следовало оттуда начинать. Подземелья-подвалы, опять же выход к коллекторам. Зона повышенной опасности. Там, правда, не то что мышь, даже блоха не проскочит. Новое оборудование, полная компьютеризация, чистота и порядок.

В боулинге свет над дорожками был выключен, но и так споткнуться трудновато. Только вот... Андрей стоял под самым светильником и испытывал изнуряющую уверенность, что сейчас свет погаснет. Ладно бы старый «Боспор» – там бы и ощупью выбрался. А здесь зацепись за любое кресло – колену хана. В темноте вообще не выползешь.

Фонарик же есть!

Андрей удивился приступу накатившего ужаса. Ведь чуть не побежал сломя голову. Что там такое Шурик Шурикович говорил про проверенные нервишки и душевное здоровье? Лоханулись в госпитале. Ведь предчувствовал совершенно точно – вырубят свет и врежут перекрестным, из двух стволов. В одном углу даже шевельнулась тень, смутная, правда, но кто-то определенно вскидывал оружие.

– Не, лечиться я больше не хочу, – вполголоса сказал Андрей пустынным дорожкам и вытянувшимся по стойке «смирно» кеглям. – Я сейчас пройду до конца, потом сяду и включу телевизор. Ящик вроде не оговаривался, а следовательно, не запрещался. А утром

Таньке позвоню. Дочь умная. У них там, на телевидении, про геопатогенные зоны и случаи массового умопомрачения все назубок знают. Они сами в «Останкино» сплошь шизанутые.

«Боспор» молчал. Ждал чего-то скучно и терпеливо. Даже затхлостью и пылью откуда-то потянуло. С системой воздухоочистки что-то?

Андрей хмыкнул. Что там с вентиляцией может случиться, если ее еще два дня назад в экономичный режим перевели? Страхи страхами, а денежки руководство мультиплекса считать умеет. И пора определиться – или криминала бояться, или геопатогенных зон, или лично-индивидуального соскальзывания в старческий маразм. Вон, уже страхи пошлые навалились – охотятся на тебя. Угу, ниндзя-черепашки-чебурашки с бесшумными «винторезами» наперевес. Кому ты нужен, инвалид?

Тьфу, вечерние таблетки забыл сожрать. С этим нелепым брожением по мультиплексным потемкам ночь может совсем нехорошей оказаться. Опыт имелся – стоило пренебречь дежурным приемом препаратов, колено начинало так свински себя вести, что... Пару раз Андрей до утра дотерпеть не мог – вызывал «неотложку». Когда ежедневно жрешь таблетки по расписанию, не геопатогенных зон нужно опасаться, а запомнить о приеме спасительной дряни.

Андрей полез за чехлом от полевой аптечки, в котором хранил лечебную химию, но тут ожила рация. Ого, уже 23.30. Очередной сеанс связи.

– Хьюстон, станция «Боспор» продолжает полет нормально. Происшествий нет.

– Шутите, Андрей Сергеевич? Вы там не на «допинге», случайно? Нам здесь как-то тягостно. Юморить вроде не в масть.

– Что так?

– Погода, видно. Опять дождь со снегом зарядил. Вы точно не употребляли?

– Да с какой стати? Полагаете, я здесь бар разграбил? Доверять людям нужно, капитан.

– Я доверяю, – «Тоон» металлически вздохнула. – Просто у нас здесь мысли всякие разные возникают. Меланхолические. Принять бы для умиротворения души капель пятьдесят.

– Вы вокруг «Газели» погуляйте, взбодритесь. Я сейчас до комнаты охраны дотащусь, кофе выпью. Здесь кофеварка здоровенная – на взвод хватит. Как у вас с кофе? Может, пришлете бойца? Или все заходите. Все равно тишина стоит.

– Именно, что тишина. И вообще, у нас инструкция.

– Ну, тогда до связи.

Комната охраны была, собственно, не комнатой, а тремя смежными помещениями. Раздевалка, собственно дежурное помещение, с двумя десятками мониторов наблюдения, и комната отдыха. Андрей налил кофе, кряхтя опустился на черный псевдокожаный диван. Кофе был так себе, колено настойчиво напоминало о себе жарким подергиванием. Ладно, ладно – следующую кружку закусим пилюлями. Андрей положил перед собой чехол «второй помощи». Промедола и траппама в потертом камуфляже давно не было. Жаль, армейский траппапам умел снимать практически любые проблемы.

Глотнув кофе, Андрей глянул в сторону телевизора. Включить, что ли? Как раз полночные новости. В последнее время есть чему подивиться – то в Австралии гигантские медузы на берег миллионами прут, то еще один вид смертельного гриппа по свету гулять двинулся. Да и местным происшествиям изумишься – вот давеча нудистская демонстрация на Большом Каменном мосту приключилась. Два десятка человек, что-то скандируя, побросали одежду и сиганули с высоты в воду. Четверо так и не вынырнули. Насчет чего протестовали голозадые, понять было трудно, мнения прессы разделились, а компетентные органы хранили таинственное молчание. Только мэр долго и яростно обличал прыгунов, напирая на то, что в виду стен древнего Кремля приличный гражданин должен топиться благопристойно, в полностью одетом виде.

Ну их к черту, эти новости. Андрей поставил кружку и, морщась, осторожно помассировал колено. Собрать сустав врачи собрали, только боль выгнать так и не смогли.

Свет стал тусклым. Андрей с тревогой вскинул голову. Если с электроснабжением что-то серьезное, хлопот до утра хватит. «Аварийку» вызывать, утрясать с полицией неурочный визит энергетиков. То-то капитан со своими вскинется.

Минутку, это что за светильник бледноватый? Он же вроде не такой висел.

Глюк пришел. Не тот, что немецкий композитор, а тот, что с «белочкой» нежно дружит.

Андрей по-прежнему сидел на диване. Только непосредственно этот диван с поддельной кожей ничего общего не имел. Андрей, не веря, пощупал серый дерматин. Очень натуральный. Шутки памяти. Диванчик из тех, что в изобилии производились мебельными комбинатами на закате развитого социализма. В старом «Боспоре» когда-то точно такие стояли.

Беспомощно оглядываясь, Андрей сообразил, что сидит в закутке у кассового зала. Старого кассового зала. Когда-то кассирши здесь чай пили. Вот и стол – одинокая чашка в зеленый цветочек и тусклый металлический электрочайник, той породы, что, выкипев, взрывается, как «РГД»³. Вешалка, серая тумбочка, пачка чая. Хороший чай, со слоником. «Индийский», значит.

Да что же это такое?!

Андрей подскочил, колено кольнуло болью. Пришлось опереться о крышку стола. Рядом с чашкой лежал знакомый камуфляжный чехол аптечки. Блин, и джинсы черные на ногах остались, и отключенный мобильник в кармане. Свитер с капюшоном, ремень охраннический на месте, – фонарь съехал по центру и теперь неприлично болтался между ног.

Андрей поправил позорящее вооружение. Галлюцинация. Может, результат таблеток? Ведь не один килограмм уже сожрал. Совсем беда – частично сам-тот, а бред так плотненько вокруг концентрируется. Андрей толкнул блеклую бумажно-деревянную дверь – точно, кассовый зал. Темный и пустой по ночному времени. Слева кабинки касс – вот лежат листы планов мест зрительного зала. Андрей прохромал дальше – в застекленном помещении кассового зала было относительно светло. Видна Бирлюковская: довольно плотно движутся машины, снизу, от платформы, припозднившийся пеший народ проходит. Андрей нашел глазами полицейскую «Газель» – сидят без огней.

Наличие нормального мира слегка успокоило. Может, еще ничего, подлечат. Нам не привыкать. Даже чуть-чуть забавно. Андрей поднял фонарь, направил на табло над кассами. Сеансы – 10, 12.30 и так далее. В малом зале первый начинается в 9.30. Что ныне демонстрирует кинотеатр, неизвестно, – места для плашек с названиями художфильмов, выведенными неизменной синей краской, пусты. Так далеко бред не распространяется. Ну-ка – Андрей перевел луч фонаря на вывеску рядом с входом в администраторскую: «Сегодня вас обслуживают: сменный администратор... кассиры... контролеры... киномеханики...» Пусто. Нет нынче обслуживающей смены, что и неудивительно. Ночь нынче. Бредовая.

Андрей помотал головой, оглянулся. За стеклами продолжалась жизнь. Две девицы безуспешно ловили машину недалеко от «Газели» с группой прикрытия. Левее мигал огнями ночной магазинчик. Все как обычно. Только ничего этого никак не могло быть. Хотя бы потому, что никаких стекол здесь нет. И кассового зала, облицованного грязновато-светлым мрамором, тоже уже нет. Стена здесь у нынешнего «Боспора» замурованная. И вовсе не кассовый зал внутри, а задняя часть кафе с караоке. А рядышком комнаты охраны. Шел бы ты, убогий, да обдумывал, стоит ли кому о таком наваждении рассказывать.

Андрей повернулся, взялся рукой за ручку двери и замер. На стене появилась одна из плашек: «Киномеханик II категории Феофанов А.С.».

³ «РГД» – противопехотная ручная граната дистанционного действия.

Нет, нужно будет утром в госпиталь ехать. Определенно побочное действие таблеток. Ничего страшного, рассосется.

Андрей ввалился в администраторскую. Сел на крепкий металлический стул. На столе лежала пара шариковых ручек по 35 копеек, журнал сдачи смен, стоял серый, выдавший виды телефон. Андрей жалобно посмотрел в окно – по Бирлюковской, игнорируя разделительную, пронесся «БМВ». Там XXI век, здесь 80-е годы прошлого. На стене из фанерного ящичка торчит «Книга жалоб и предложений». Андрей неуверенно извлек книгу. Нет здесь ни жалоб, ни предложений. Девственно чиста строгая книга. Может, накарять? «Товарищи, глубоко возмущен бредом, творящимся в вашем кинотеатре. Прошу принять меры, в противном случае буду вынужден...»

Нет, галлюцинации исключительно в вашем воспаленном мозгу, гражданин Феофанов. Самому на себя кляузничать не положено. Так даже в советские времена не поступали. Лучше побыстрее перестаньте ностальгировать. Ишь, накатило.

Понятное дело, понервничал, бывшее вспомнил, а тут еще действие таблеток критическую массу набрало. Работа мозга покатила по ложной колее. Пройдет. Сам выдумываешь, сам и перестанешь. Пожалуй, стоит водички выпить, раз уж кофеварка временно сгинула.

Наливать из чайника Андрей не рискнул. Машинально взял чашку и поплелся в туалет. Память услужливо формировала новую-старую реальность. Стеклопанная дверь. За ней фойе малого зала. Глупо – разве можно напиться воображаемой воды? С другой стороны, раз дверь ты толкаешь с усилием, то почему же и не попить водицы? Мокрой. Мозг и не такие фокусы выкидывать может.

Андрей взвыл. Галлюцинация или нет, но соприкосновение со стулом оказалось крайне болезненным. И какой идиот его в темноте на проходе оставил?! Вполголоса матерясь, Андрей поглаживал колени, на этот раз оба. Еще хорошо, что основной ушиб пришелся на здоровую конечность.

Воды Андрей попил – холодная, в меру хлорированная. В туалете было чисто, но пахло не очень – память охотно вернула естественные советские запахи. Андрей глянул в зеркало. Взрослый мужчина, солидный, даром что моложе своих лет выглядит. Еще ничего, если к бледности и складкам у рта не приглядываться. И на тебе – крыша у мужичка поехала.

Скрипнула, приоткрываясь, дверца дальней кабинки. Выглядывал оттуда кто-то.

Андрей с чувством сплюнул в раковину. Нет уж, бред в квадрате, – это перебор. Идите вы в задницу со своими скрипами.

Оставив чашку на раковине, поковылял к двери. Фойе. Темное пространство, разделенное широким прямоугольником буфета. Столики, на них громоздятся перевернутые стулья. Тускло поблескивает автомат «Фанты». Да, теперь таких не делают. Модель, поставленная к Олимпиаде 80-го: емкости с едким концентратом, баллоны газа, пластиковые кишки, соединяющие части сей адской машины. Верх достижений технической мысли капитализма. Андрей, удивляясь себе, сел на стойку, осторожно перенес ноги и оказался по другую сторону прилавка. Из ящика торчали горлышки пивных бутылок. На крышках отштампована дата – число двенадцатое, месяц не разберешь – то ли шесть, то ли восемь. Ну, отмечать год изготовления в те спокойные времена еще не додумались. Андрей приподнял салфетку, полюбовался на бутерброды. Ломтики сыра норовили свернуться в трубочки. Как положено – второй свежести продукт, но резали его явно не четверть века назад.

Что происходит? Иллюзия полная – можно пальцем потыкать, можно понюхать. Пахнет так себе. Бывают черствые иллюзии?

Старый «Боспор» замер. Не шевелились черные листья фикусов у лестницы, не булькала вода в автомате. Не имелось в старом мире ни сквозняков, ни работающих кондиционеров. Лишь по огромным стеклам скользили отблески фар. Там, за стенами, продолжал жить иной

ночной мир. Огромный город, с сотнями сортов пива, с избытком автомобилей и думских депутатов, с полузаконенной проституцией и круглосуточными супермаркетами.

Совсем больной товарищ. Про раздвоение личности Андрей слышал. Бывает раздвоение мироощущения? Вроде не слышал, но издания по популярной психиатрии пишут отнюдь не сами пациенты. Им, пациентам, некогда.

Как странно вернуться в свой старый дом. Андрей прошел через второй этаж. Двери в большой зал были распахнуты, там царила тьма – огромный куб черной пустоты, и невидимый экран. Ад сгинувших навсегда фильмов.

Андрей машинально поднялся на третий этаж. Замок двери в аппаратный комплекс оказался открыт. Было очень грустно. Сколько раз снился этот коридор. Место первой работы, коридор в юность, в эпоху смешной уверенности в завтрашнем дне, веры в неизбежность победы коммунизма над гнивающим и все никак не загниющим Западом. Да, глупостями была заполнена юная башка Андрея Сергеевича. Но ведь легко было жить. Хотя и не очень весело.

Изумление ушло. Думать и бояться уже не хотелось. Жизнь прошла, думай не думай, никогда больше не зажжется здесь свет, не донесутся отдаленные вздохи и нетерпеливый ропот тысячного зала, не раздастся звонок к началу сеанса. Нет огромного зала, нет коридора. И семнадцать лет тебе тоже никогда больше не будет.

Аппаратная. Стены в черном, до потолка, кафеле. Пара ободранных красных кресел, стол с растрепанными журналами смен и техобслуживания. Проекторы. О, еще древние КП-30. Серые монстры с покатыми слоновьими спинами. Еще угольные, немодифицированные. Это потом в них впихнут ксеноновые лампы. А пока электрическая дуга – запас хода на двадцать минут экранного времени.

Фонарь проектора послушно открылся. Полусфера зеркального отражателя, запах угля и многократно прокаленного металла. Отрицательный уголь почти целый – они горят медленнее. Положительный уголь нужно менять. Андрей вынул из планетарки прожженный огрызок, бросил в металлический бак. Знакомо громыхнула жесь. В эту секунду Андрея схватили за капюшон свитера, горло коротко ожгло болью.

– Шумный парень, – сладко промурлыкали в ухо.

Андрей замер, слегка разведя руки. Сталь у горла была острее некуда – порезанная у кадыка кожа даже не болела, а горела, словно паяльником ожгли. В том, что к его спине прижимается женщина, Андрей не сомневался. Кроме мурлыканья и ясного ощущения сильного, стройного тела, был еще запах горячего пота – жаркий, терпкий и крепкий. Не то чтобы неприятный. Скорее, наоборот. Запах пота, раскаленного солнцем песка, сыромятной кожи и ружейной смазки. Чувствуя, как катится за ворот струйка крови, Андрей подумал: пусть режет. Только сразу. Смерть, пахнувшая молодой, здоровой бабой, не так уж и плоха.

– Страшно, красавчик?

– Еще как. Доделывай враз, – прошептал Андрей. – Сейчас обделаюсь – обоим будет гадостно.

– Не надейся. Быстро это не заканчивается, – ответили от двери – там стоял крепкий мужчина в коричневой кожаной куртке. – Мадмуазель ограничена в развлечениях, а пытки – вещь захватывающая.

– Барышню случайно не Хеш-Ке зовут? – выдавил Андрей.

– Bravo! Какая память, – мужчина белозубо ухмыльнулся. – Полагаешь, девушке льстит, что ее помнят лишь выжившие из ума недоумки?

– Недоумкам из ума выживать трудновато, – начал Андрей, но тут баба, до сих пор непристойно-интимно прижимавшаяся к его спине, чуть отстранилась, зато с такой силой ухватила пленника между ног, что Андрей ахнул и замычал. Согнуться мешало лезвие ножа под подбородком, но боль в мошонке была столь сильной, что Андрей, дергаясь, порезал шею еще раз.

– Ну, весельчак, откуда начнем? Сверху или снизу? – бархатный голос обладательницы скиннер-баффало⁴ можно было бы назвать чарующим, если бы не ненависть, сочащаяся в каждом звуке. Впрочем, Андрею было не до оттенков – боль такая, что глаза вылезали из орбит. Смуглая женская рука начала неторопливое вращательное движение. Андрей низко закричал, уже не думая о ноже, двумя руками уцепился за обвитое нитями разноцветных бусин запястье мучительницы.

– Постой, Хеш-Ке, – брезгливо сказал мужчина. – Что за дурные манеры? Нельзя быть такой навязчивой. Вспомни о девичьей скромности. Начнешь чуть позже.

Баба недовольно заворчала, но ослабила хватку. Андрей, пытаясь дышать, кое-как выпрямился:

– Спасибо, месье Боровец.

– Нет, просто парадоксальная осведомленность. – Мужчина, чье лицо Андрею было отлично знакомо, поджал мясистые губы. – Ну конечно, ты же из старых. Думаешь, мадемуазель-полукровка обойдется с тобой снисходительнее, чем с другими жеребчиками?

Андрей вновь почувствовал пару тугих грудей, плотно прижимающихся к спине. Иссиня-черная прядь защекотала шею. Раскаленный язык неожиданно лизнул в ухо. Андрей дернулся:

– Месье комиссар, нельзя ли просто пустить мне пулю в лоб?

– Лишить девчушку развлечения? – Старинный знакомый качнулся на каблуках. – Пуля, мой догадливый друг, – это роскошь. К чему джентльмену слабости? Умри, как мужчина. Можешь поверить, моментами тебе будет почти приятно. Естественно, если сразу не спишишь от боли.

– Месье комиссар, я все-таки здесь работал...

– Работал? – Двойник героя-любownika, снявшего в восьмидесяти фильмах, покачал головой. – Хочешь сказать, жрал дешевое пиво, рвал пленку и «резал» части, чтобы пораньше смыться домой? Как вас здесь принято называть? Обувщик?

– Сапожник, – признался Андрей.

– Весьма точная характеристика. Хеш-Ке, сможешь выкроить из его спины пару мокасин? Это будет весьма символично.

– Тощий жеребчик, – промурлыкала женщина, для разнообразия болезненно хватая пленника за ягодицу. – Придется повозиться. Но я сдеру кожу поаккуратнее.

Лезвие ножа покинуло подбородок, и острое мгновенно прочертило тонкую линию от загровка до нижних шейных позвонков. Андрей почувствовал, как его лизнули в набухший кровью порез.

– Да ладно вам, – негромко пробурчали из перемоточной. – Пусть пока языком поболтает. Он из старых, хоть что-то соображать должен.

– Думаешь? – комиссар с сомнением оглядел Андрея. – Знаешь, Горгон, все местные болтают одно и то же. Они совсем не так рассудительны, как ты надеешься. Кстати, обувщик, ты не вздумаешь улепетывать? – Губастый утконосый красавец откинул полу куртки, показал рукоять большого револьвера. – Риски, и я тебе ляжку прострелю. Ладно. Хеш-Ке, дай ему отсрочку. Ма-лень-ку-ю. Торопиться нам некуда.

Андрея отпустили. С такой силой, что он врезался лбом в кафельную стену и рухнул, опрокинув бак для углей.

– Я говорила, громогласный вонючий лошак, – засмеялась баба.

Андрей сидел, пытаясь справиться с темнотой в глазах и не орать от боли. Лоб – ерунда, вот проклятое колено... Да и между ног...

– Чего расселся? – поинтересовались из перемоточной. – Лоб у тебя крепкий, если враз не раскололся. Иди сюда, коли ты местный.

⁴ Распространенный среди индейцев нож с расширенным и приподнятым к концу лезвием.

- Сейчас, – с трудом выговорил Андрей. – Колено у меня не совсем в порядке.
- Колено? Хеш-Ке, помоги ему. Только мягче.

На этот раз Андрей успел сгруппироваться – удар мокаина принял на бедро. Хеш-Ке, гибкая красавица-метиска в вылинявших джинсах и неприлично распахнутой на груди сорочке, возвышалась над ночным зрителем. Нож в ее руке игриво взблескивал в свете тусклых плафонов аппаратной. Тонкий шрам на правой щеке женщины абсолютно не портил смуглой зловещей красоты. Баба угрожающе качнулась к гостю.

– Иду-иду. – Андрей, стиснув зубы, поднялся. Хромать под взглядом аризонской убийцы почему-то особенно не хотелось.

В перемоточной, прямо на фильмоостате, сидел коренастый человечек и перочинным ножом строгал замысловатую чурку.

– Здравствуйте, господин Горгон, – сказал Андрей, глядя в обманчиво доброжелательное лицо.

– Здравствуй и ты, – человечек на миг поднял лысеющую голову, кинул цепкий взгляд. – Ты тряпку-то возьми. Напачкаешь.

Андрей машинально вынул из ящика перемоточного стола ком марли, прижал к кровоточащему горлу.

– Значит, не утихомирились? Все дознание ведете? Ну и много вынюхали? – Горгон укоризненно покачал большой головой. Крошечные стружки из-под перочинного ножа размеренно падали на широкие штанины и загнутые носы сафьяновых сапог. – Тебя-то зачем сюда сунули? Стражников пожалели?

– Сказали, что могу догадаться, что в «Боспоре» творится.

– Догадался? – с интересом спросил Горгон, не отрываясь от резьбы.

– Да. Только пока здесь люди умирать и исчезать будут, дознание будет продолжаться. Здесь же город. – Андрею хотелось опереться о стол. Ком марли в руке промок насквозь, голова кружилась. – Здесь большой город и большая власть. И они обеспокоены. Пока не поймут, не отстанут. Их много.

– Да нас, мил человек, тоже немало. И деваться нам некуда. Морите вы нас. Всмерть морите.

Хеш-Ке, присевшая в дверях на корточки, к разговору не прислушивалась. Андрей чувствовал взгляд, бродящий по его животу и бедрам. Комиссар Боровец отвернулся и сосредоточенно раскуривал сигару.

– Вас морить никто не хочет, – пробормотал Андрей. – Так получается. Время идет. Старое уходит, новое приходит.

– Еще раз меня старухой назовешь – я тебя, койотский отсосок, месяц подряд умирать заставлю, – ласково сказала Хеш-Ке, на миг заглянув Андрею в глаза.

– Я не в том смысле. Не про вас лично, – быстро сказал Андрей. Взгляд неожиданно синих и огромных глаз метиски пугал больше, чем угроза.

– Смысла здесь вообще мало, – согласился Горгон, почесывая лоб костяной рукояткой. – Не находим мы смысла. Может, оттого, что нас вообще не должно быть, – как думаешь? Может, вас шибко огорчает, что такие, как мы, думать способны и делать кое-чего? Может, не вы нас выдумали и живыми сделали? Может, мы мираж шуточный? Полет ночного Зефира навстречу утренней крутобедрой Эос? А? Вот Хеш-Ке, наша красавица, она ведь не согласна сугубо эфирным созданием жизнь свою влачить. Она девушка простая. Ей мужики нужны. Желательно с горячей кровцой в жилах. Если таких кобелей там нет, – Горгон ткнул ножичком в сторону зрительного зала, – то как быть? Жить-то хочется. Тебя ведь Андре кличут? Видишь, помню. А вы меня позабыли.

– Я же вас не забыл.

– Ну-у, сказанул. Ты да еще сотня таких старых. Ну пусть тысяча или две помнят. По телевизионному ящику иной раз нас посмотрите. Подивитесь на старье, курочку пережевывая. Еще эти, кругленькие, – как их? – «ди-ви-ди» коллекционируете. А это для чего строили?! – Горгон раскинул в стороны короткопалые руки, обильно унизанные перстнями. – Гноите вы нас. Словно и не родственники.

– Ну, «Боспор»-то работает. Пять залов. Все новенькое, дорогое.

– Ты меня не зли, – укоризненно сказал Горгон. – Не в том ты положении, чтобы наглость проявлять да тупо в дурь переть. Залы здешние, ха, – у нас хлева размером поболее будут. И что в зале крутите? Инопланетников замысловатых? Взрывы автомобильные? По мне – что «феррару» взорвать, что ядерную станцию – на второй раз скукота непомерная. Компьютерные искищения. Люди-то живые в тех кино есть? Как думаешь, друг Андре? В «синему» ты не ходишь, может, оно и правильно. А ежели вообще? Который из фильмов в душу запал? Кого ты из наших последних запомнил, взволновался?

– Не знаю. Может, Лару Крофт, расхитительницу гробниц?

Андрей вздрогнул – Хеш-Ке засмеялась.

– Старый лошак понимает. Я бы эту телку тоже запомнила. Сюжет – длиною с хер петушиный, зато вкусно на бабье движение глянуть. Жаркая.

– Картинка пустая, – заметил, не оглядываясь, комиссар Боровец. – Мертворожденное. Кроме мадам воровки, там все насквозь протухшее.

– Да понятно, – Горгон ковырялся с ножичком. – Как некоторые выражаются – небось не запасники Лувра. Смотреть можно, но кинофильмой не назовешь. Фильмокопия для сбора денег. Говно. Я понятно выражаюсь, мил-человек? Да ты садись. Отдохни напоследок. Красавица наша тебе много передыха не позволит. Алчущая она. Не хуже Лары новомодной.

Андрей полусел-полуупал на стол. Сразу стало легче.

– Господин Горгон, вы уж без проволочек говорите. От сеньориты вашей повизжать напоследок, может, и не самая плохая смерть, но я, вообще-то, на тот свет не тороплюсь. Неплохо бы попробовать разобраться по сути дела. Я же не в землекопы из «Боспора» ушел. Кое-что видел, деньги зарабатывал. Взаимовыгоду понимаю и торговыми отношениями не гнушаюсь. Что вы хотите? Может, договоримся?

Горгон поковырялся в ухе, почистил ноготь ножом и задумчиво сказал:

– Вишь как выходит. Первым ты договариваться додумался. Остальные враз орать, просить-молить да грозить кидались. Недоумки. Последние, так смех один, – на вооружение боевое понадеялись. Видать, ты и впрямь из старых. Еще помнишь, что по нашу сторону экрана и бьют быстрее, и стреляют метче. Только врешь ты нам, друг Андре. Жизнь свою сильно ценишь. Оно и понятно. Мы тоже ценим. Может, даже поболее вашего, – у вас смерть скорая, а нам, кажись по всему, веками издыхать придется. Что на пленке тускнеть да рассыпаться, что крысами загнанными рядом с вами шмыгать.

– Давайте подумаем, поторгуюсь, – сказал Андрей, стараясь не смотреть в сторону Хеш-Ке. На короточках она сидела крайне свободно, настолько свободно, что ворот застиранной сорочки разошелся шире некуда. Жаром от бабы веяло даже с трех шагов. – Вы, господин Горгон, – поспешно продолжил Андрей, – в торговле и выгоде опытни. Я послабее буду, но кое-что в том деле понял. Больших барышей мы с вами не наживем, но отчего друг другу чуточку не помочь, раз иных выгодных возможностей не предвидится?

– Жить как хочет, – с отвращением сказал комиссар.

– Хочу, – согласился Андрей. – Но не в том дело. Я, может, к сеньорите скоро сам приду. По здравому размышлению, лучше к ней, чем в хоспис муниципальный.

– Не врет, – улыбаясь, сказала Хеш-Ке. – Хочет меня. Кобель.

– Кто ж тебя не хочет, – задумчиво пробормотал Горгон. – Если бы с тобой два раза поразвлечься было можно да с яйцами остаться, цены бы тебе, дева, не было. Ты, мил-друг, перестань на эту гремучку отвлекаться. Дело у нас серьезное.

* * *

Выбирался из «Боспора» Андрей с большим трудом. Колено, не напоминавшее о себе последние два часа, взяло свое – словно саморез в сустав ввинтили. Пока ковырялся с электронным ключом, один из освобожденных оперативников тяжело вис, цепляясь за плечо. Второй, опустившись на колени, бессмысленно толкал массивную дверь – ладони оставляли на стекле кровавые разводы. Третий оперативник лежал у стены, и оглядываться на него было тяжело. Скальпированная голова казалась черной и маленькой, узоры от вырезанных из кожи ремней вились от локтей по всему торсу, пугая скрытым непонятным смыслом. Губы были срезаны, и дыхание шумно вырывалось сквозь синевато-белые зубы. К счастью, парень был без сознания. Все трое освобожденных были совершенно наги, только на пах скальпированного была брошена салфетка, позаимствованная в буфете рассудительным Горгоном. Новые аборигены «Боспора» исчезли, едва доставив полутрупы до входных дверей. Дальше Андрею следовало разбираться в одиночку.

Замок наконец щелкнул, и дверь распахнулась. Один из освобожденных всхлипнул и кособоко побежал по ступенькам, припорошенным мокрым снегом. В смутном свете уличных фонарей мелькало длинное английское ругательство, неграмотно выжженное у парня между лопаток. Второй пленник – кажется, старшина – выполз из дверей на четвереньках: встать он не мог – сухожилия на обеих лодыжках были перерезаны. Андрей ухватил за скользкие плечи скальпированного бойца, потащил к двери. Раненый замычал, между жутких голых зубов мелькнул распухший обрубок языка.

Андрей доволот тяжелое, еще недавно такое сильное и тренированное тело до ступенек. Только теперь из «Газели» группы поддержки и дверей полицейского автобуса, вызванного на подмогу, начали выпрыгивать люди с автоматами. Зажгла фары и неуверенно двинулась к площадке перед кинотеатром «Скорая помощь».

Андрей перестал мучить изуродованное тело оперативника, разогнулся и вспомнил, что забыл в «Боспоре» рацию. Смотрел, как бойцы пытаются остановить и успокоить мечущуюся по тротуару обнаженную, измазанную кровью фигуру.

За спиной возвышался мультиплекс. Сияли и пульсировали яркие звезды вывески. Вдоль здания посвистывал ледяной мартовский ветер, а Андрей все еще чувствовал на свитере дразнящий диковатый запах горячей плоти. Плоти, небрежно мытой в мутных водах реки Гил, что течет в безжалостной и веселой Аризоне. Да, Хеш-Ке не забудет, что кое-кто поклялся вернуться. А расчетливый дядя Горгон не забудет ни слова из того, что было сказано этой ночью.

Глава 2

Группа Крови

13–21 марта

ABN – «Слухи об осложнениях гриппа Z1T2, затрагивающих человеческую психику, комментируются ВОЗ как абсолютно беспочвенные и фантастические».

УНИАН – «Безжизненный орангутанг-душиитель наконец достигнут и расстрелян бойцами «Беркута» в дачном поселке у Ильичевска».

«Московский кроманьонец» – «Семья Коршенина называет исчезновение депутата «трагической неожиданностью». Между тем редакции стало известно...»

Кожу на шее зашили практически безболезненно. В окружном госпитале МВД врачи работали опытные, не хуже чем в ЦВГ. Андрей вышел в коридор к лестнице, помучился сомнениями «закурить или нет», но тут пожаловали гости, и началось. Гостей было трое – двое из ГУВД и пришибленный Синельщиков. Начали задавать вопросы, честные ответы на которые и у самого Андрея вызвали беспомощное недоумение. Где четвертый член опергруппы? Мертв. Где тело? Не могу знать. Где были обнаружены раненые? Сами нашлись. Вы лично видели преступников? Можете составить фоторобот? Не уверен. Тут начальство не выдержало и начало многозначительно переглядываться. Андрей утешился тоскливой мыслью, что у эмвэдэшников и в психиатрическом отделении наверняка полный порядок и полноценное питание, но тут в палату влетел Александр Александрович. Андрей, не успев опомниться, оказался выставлен вон. Внутри пошел разговор на повышенных тонах. Двери были хорошие, плотные, но временами долетала откровенная нецензурщина. Андрей озадаченно сообразил: это Шурик Шурикович материт Синельщикова за то, что ФСПП было с опозданием извещено о завершении операции. Чины ГУВД пытались вмешаться, но Шурик их в принципе игнорировал. Матерился он красиво, слушать было интересно. Но пришлось отвлечься – к палате неспешно подплыла эффектная дамочка в накинутом на плечи белом халате. Доброжелательно глянула на Андрея и стала прислушиваться к бурной дискуссии за дверьми. Андрей поколебался и сказал:

– Девушка, вы бы шли по своим делам. Тут вроде как служебные вопросы решаются.

Брюнетка чарующе улыбнулась:

– Ничего страшного. Я как раз по делу. По служебному.

Андрей заткнулся. Торчать в коридоре было как-то неудобно – джинсы в нехороших рыжих пятнах, футболка несвежая и тоже в крови. На шею бинт намотан легкомысленным шарфиком. Хорошо хоть в больничные тапочки не успели переобуть. Чего эта мадам здесь столбом встала? Явно не из медперсонала. Экая ухоженная. Каблучки-то, это ладно. Вот небрежная изысканность – этого у медсестричек дефицит. Не тот уровень. Эта фигуристая, рангом не ниже генеральской спутницы жизни. Вон ножки какие авиационно-правильные, словно на компьютере их пропорции обсчитывали. Андрей вспомнил ядовитое кошачье-ободранное очарование Хеш-Ке и передернул плечами. Сподобился на старости лет от баб дуреть.

Из палаты вышли следователи ГУВД. Даже по спине было видно, что товарищи офицеры в ярости. Следом вывалился покрасневший Синельщиков, невидяще глянул на темноволосяную красотку, повернулся к Андрею:

– Андрей Сергеевич, вы извините. Я, честное слово, не думал, что у вас получится. Спасибо, что рискнули. Если что, всегда обращайтесь...

Андрей с изумлением пожал протянутую ладонь. Синельщиков рысцой бросился догонять начальство.

Выглянул Александр Александрович:

– Чего встали? Заходите. Кстати, познакомьтесь – это Наталья Юрьевна, ведущий психолог ФСПП. А это – Андрей Сергеевич Феофанов. Только что с операции, так что...

– Мы уже познакомились, – Наталья Юрьевна двинула безупречно накрашенные губы в сдержанной улыбке. – Раз все нормально, я пойду. Да, Сан Саныч?

– А все нормально? – не очень уверенно поинтересовался тощий специалист ФСПП.

– Несомненно. Я пошла, в офисе увидимся, – брюнетка приветственно приподняла холерную ладонь, сверкнула лакированными под бронзу ноготками. Мило улыбнулась персонально Андрею и исчезла за дверью.

– Действительно психолог? – осведомился Андрей.

– Угу, очень хороший психолог. – Александр Александрович еще не отошел от бурных объяснений с ГУВД.

– А я, значит, в полной норме? – наливаясь злостью, процедил Андрей.

– Угу, вы, несомненно, в норме, – Александр Александрович глянул исподлобья. – Вы не горячитесь, Феофанов.

Андрей отчетливо и с наслаждением выматерился.

– ...Вы, специалисты херовы, славно меня подставили. Вы же, свинячьи клоуны, фэсэп-эпэ долбаное, стопроцентно знали, что меня на нож возьмут.

– Мы подозревали, что к вам выйдут на контакт. Именно к вам. Никакой подставы. Разведка боем – такая формулировка будет гораздо правильнее.

– Да вы, чтоб вашу... Как барана на убой. Шли бы вы в... специалисты по контактам.

– Спокойнее, Андрей Сергеевич. Меня лично можете как угодно материть, но для начала расскажите, что конкретно там произошло.

– Да? А с какой стати я вам должен докладывать?

– Не обязаны. Но произошедшее не только нас с вами касается. Расскажите.

– А вы поверите?

– Почему же нет? Доказательства сейчас в реанимации лежат. Да и вы выглядите... убедительно. Только давайте не будем ломаться и сверкать глазами, подобно гимназистке после первого бала. Я ваши чувства вполне понимаю, но, поверьте, нам знать про обстановку в «Боспоре» просто необходимо.

– А не пойти ли вам...

– Нет. – Александр Александрович сел на кровать. – Идти я никак не могу. Я на службе. А вам нужно все рассказать. Хотя бы для того, чтобы окончательно прийти в себя. В конце концов, цените, что вы будете рассказывать мне, а не десятку неподготовленных следователей.

– Ох, так вы меня от неприятностей отмазали? А кто меня вот в это самое втравил? – Андрей хлопнул себя по перевязанной шее и зашипел от боли.

Александр Александрович хмыкнул:

– Я вам обещал, что ночь вы проведете нескучно. Соврал? От себя могу принести личные извинения и выставить бутылку виски или текилы, на ваше усмотрение. Если разбирать по сути, то иного выхода у меня не было. Вариантов развития событий в «Боспоре» просчитывалось множество, и, начини я их излагать, вы бы никуда не пошли. Все, хватит поэзии. Давайте садитесь, мы закурим, и вы не спеша изложите, что случилось.

– Здесь курить нельзя, – злобно сказал Андрей.

– Ничего, простят. Мы окно откроем.

– Нет уж. Я бросил. Мне обещали, что если я такой ослиный навоз продолжу курить, мне язык надвое разрежут, а самокрутку дерьмовую засунут... Глубоко. У барышни, мне это заявившей, чувство юмора на редкость изысканное.

– Понятно. Может, моих закурите?

– Да не буду я вообще больше дымить!

– Ладно, – Александр Александрович с сожалением спрятал сигареты. – Хорошо, так кто там в вашем мультиплексе объявился?

* * *

– Как вам сказочка? – Андрей все мял в пальцах наполовину высыпавшуюся сигарету. Не столько курить хотелось, сколько начавшие подрагивать пальцы требовалось чем-то занять.

– Подходяще, – Александр Александрович вздохнул. – Давно они здесь обосновались?

– Ну... они не совсем чтобы здесь. Это, по-моему, размытая зона. Пограничье. Они и здесь, и не здесь. И сам «Боспор»...

– Я понимаю, – нетерпеливо сказал специалист ФСПП. – На сленге этот эффект называется «свищом». Непреднамеренное открытие двустороннего постоянного канала. Давно их прижимает? Я ваших целлулоидных имею в виду.

– Почему целлулоидных?

– Ну, нужно их как-то называть.

– Вы, Александр Александрович, не понимаете. Они реальные. Очень даже. Во плоти и крови.

– Я что, идиот? Я понял. – Специалист ФСПП вновь раздраженно пощупал карман куртки, где лежали сигареты. – Андрей, во-первых, я вам верю, во-вторых, я сейчас выйду покурить, ибо сил моих больше нет, а вы пока поразмыслите, – хотите ли знать, почему я вам верю? Я могу рассказать, и сие скорбное знание никоих обязательств на вас не наложит. Но подозреваю, что, в соответствии с известным афоризмом, печали ваши могут многократно приумножиться.

Когда через пять минут повеселевший Александр Александрович вернулся, Андрей сидел на подоконнике и смотрел, как по аллее к госпиталю идут ранние посетители.

– Ну, мне бутылку виски вам домой прислать или как? – жизнерадостно осведомился представитель ФСПП.

– Мерзопакостная у вас организация, – пробормотал Андрей. – И почему бы вам весь этот бред не засекретить? Сунули бы меня в психушку, и дело с концом.

– Мы и так полусекретная организация. А психиатрические больницы, между прочим, переполнены. Да и нет особого смысла разводить секретность. – Александр Александрович плюхнулся на койку. – Если в самое ближайшее время не предпринять решительных мер, то неприятности, подобные вашим, будут обсуждаться не только на форумах Интернета. О них и бабульки на лавочках у подъездов начнут судачить.

– Не понял.

Александр Александрович извлек из кармана наладонник:

– Андрей, вы как с компьютерами?

– Уверенный пользователь. Но такую мелочь не люблю, – пробурчал Андрей.

– Не страшно. Я вам потом на большом мониторе покажу. Если захотите. Да вы присядьте. Я с вами ничего сугубо физиологического делать не собираюсь.

Экран у наладонника был крошечным. Карта Южного округа. Разноцветные значки. Увеличение... Вот красная точка – Бирлюковская, 17. Невдалеке еще одна – синяя. Это район бывшего завода «Огонек». Вот Коломенское – три отметки, красная и две зеленых.

– Теперь давайте окинем, так сказать, общим взглядом, – сказал Александр Александрович.

Карта Москвы. Россыпь точек.

– Шестьдесят два объекта. Треть удалось законсервировать. В начале года в среднем фиксировалось появление двух-трех «свищей» в месяц. За март уже девять. Большинство, правда, относительно безопасны. Но и такие, как ваш «Боспор», не редкость.

– Врете, – решительно сказал Андрей.

– Думаете? – Александр Александрович улыбнулся. – Наталья говорила, что вы порой осознанно практичны и эгоцентричны. Хотите что-нибудь лично посмотреть? До полудня у меня есть время.

– Ах, Наталья про меня говорила? Это которая Юрьевна? Польщен. И откуда этой дамочке гламурной про мою практичность известно?

– Тут вы не правы. Несмотря на, гм, утонченную внешность, Наталья Юрьевна – высочайшего уровня профессионал. Психолог от бога.

– Лучше бы она сексопатологом у вас служила. Коза ангорская. Она меня в «Боспор» сосватала?

– Ну, без ее рекомендаций тоже не обошлось. Только не нужно все «стрелки» на беззащитную даму переводить. И вообще, Андрей, хватит вам злобствовать. Людей мы спасли? Спасли. Как вы посмотрите, если ФСПП вам работу предложит?

– Да идите вы!

– Ну не могу я так просто пойти. – Александр Александрович спрятал наладонник. – У меня людей не хватает. И по большому счету, ни у вас, ни у меня особого выбора уже не осталось. Вы послушайте, а потом решайте сами. Если упретесь, настаивать не стану. Только насчет вашего «Боспора» рекомендации уж соизвольте дать в обязательном порядке.

– А что с «Боспором» будет?

– Так нам с вами это и решать.

– Блин, вы что, в лысого градоначальника играете? Всесильность демонстрируете?

– Никакой я не градоначальник. Просто раз мы с вами кинотеатром занялись, нам и решение по данному объекту выносить. Наверху утвердят. Захлебываемся мы, Андрей. Жизнь дала трещину. В самом прямом смысле. Знаете, вы все-таки меня выслушайте. Так сказать, вводный курс молодого бойца.

* * *

Мир обветшал. Миру недужилось. Ученые, лихорадочно пытавшиеся понять, почему начались изменения, говорили о сдвигах границ ноосферы и антропосферы, о взаимопроникающих коррекциях, о парадоксальном стечении обстоятельств. Происходящее спешно подгонялось под Теорию струн и гипотезу Великой параллельности. Но ни Стивен Хонкинс, ни Хью Эрерт, ни Варлам Лернер не могли прояснить происходящего. Великие теоретики уже ушли в мир иной, а современные приверженцы их теорий, перепуганные хаотичностью внезапных изменений, теряли время в спорах о дискретности и непрерывности мироздания, вновь и вновь утыкались носом в тупик загадки асимметрии времени. Данные мирового мониторинга менялись с устрашающей быстротой. Попытки объединить исследования, ведущиеся в разных странах, оканчивались краткими конференциями и символическими декларациями о благих намерениях. Общество теоретиков бурлило и булькало подобно выкипающему котлу.

В мире, далеком от академической науки, было пока куда как тише. Большинство власть имущих просто отказывались верить в серьезность происходящего. Новые виды морских беспозвоночных? Ерунда, вы их плохо исследовали раньше. Непредсказуемая погода? Отстаньте, вы твердите об этом последние лет двадцать. Скачкообразное нарастание психических заболеваний? Естественно, электорату сложно свыкнуться с реалиями затянувшегося финансового кризиса. Паранормальные явления, новые геопатогенные зоны, ежедневные встречи с приви-

дениями? Даже не смешно. Тут бы с диким Афганистаном разобраться, с ценами на нефть, с возмутительными амбициями Тегерана.

– У нас чуть проще, – вздохнул Александр Александрович. – У нас Главный как-то сам столкнулся. Оказался вблизи от новообразовавшегося «свища», ну и видел кое-что. Так что наверху особо доказывать не пришлось.

– И что? – скептически поинтересовался Андрей. – Общую мобилизацию еще не объявили? Винтовки и святую воду где выдают? Или я что-то пропустил?

– Мы все что-то пропустили. Но мобилизации не было. Если у тебя имеются здравые мысли, чем она поможет, изложи. Через пару дней воплотим в жизнь. Только при условии, что идея действительно здравая. Откровенно говоря, у нас дефицит идей. Возьмем ситуацию с «Боспором» – стоило туда подгонять бронетехнику и спецназ, окружать и изолировать? Огнеметы? Напалм? Поможет? Хаоса у нас и так предостаточно. Воевать нет смысла. Не с кем.

– То есть? Они что? Того... неуязвимые?

– Почему же? – Александр Александрович открыл куртку, показал рукоять пистолета. – Они в подавляющем большинстве соответствуют нашему образу и подобию. Вполне смертны. Но стрелять в них не очень-то получается. Вернее, мы с вами вполне способны выйти на охоту. Но нас, охотников с этой стороны, будет маловато.

– Не понял.

– Так сложновато объяснить. У нас пытались готовить бригады зачистки. Как бойцы наши парни были выше всяких похвал. Но не получалось. Кушали наших стрелков на раз. Теоретическое обоснование неудач силовых действий существует, но оно чересчур объемное, умное и неубедительное. Скажу, как понимаю сам. Хорошо стрелять в наше время уже мало. Нужно твердо верить, что в темном углу сидит страшный бука.

– Что же здесь верить? – Андрей погладил повязку на шею.

– Я понимаю. И парни начинают понимать. Только слишком поздно. Ты же служил, знаешь. Большинство профессионально подготовленных бойцов доверяет исключительно своим инстинктам, своим пристрелянным стволам и больше никому и ничему. Ну, еще некая доля суеверности присутствует. Что получается на практике? Слаженная группа приступает к зачистке здания. Площадь сканируется электроникой, далее стволы в разные стороны, осмотрелись, сплюнули через левое плечо, пошли. Комната чиста – дальше. А за спиной уже кто-то появился. Хочется оглянуться, но бойцы знают, что это лишь морок. В голову вбито: не распыляться, все внимание – на непроверенную зону. Они же люди опытные и практичные.

– Как я?

– Тут и весь фокус. Ты воевал мало, но до армии и там и сям работал, деньги зашибал небезуспешно. Квартира, дача, машина. В общем, обеспечить себя можешь, и не без некоторого изящества. О небезупречности кое-каких способов извлечения прибыли с точки зрения закона я умалчиваю. Здесь не налоговая инспекция. С другой стороны, ты был и остался человеком кино.

– Кинопроката, – пробормотал Андрей.

– В данном случае это не столь важно. Ты знаешь те, заэкранные законы. В фильме девушка собирается на свидание. Входит в комнату, открывает шкаф, оттуда на нее выпадает скелет. Часто такое бывает?

– Не редкость. Вполне распространенный штамп. Но чаще выпадает не скелет, а труп. Этакий приятно зеленоватый.

– Ну, вам, целлулоидным, виднее. Ты вот не слишком удивляешься содержимому шкафа. Подсознательно ты подозреваешь, что в шкафу всегда имеется сюрприз. Но большинство людей четко отделяет выдумки кино от скучной реальности. Даже люди с повышенной интуицией вполне успешно убеждают себя, что в шкафу, кроме нафталиновых пальто, ничего нет. В самом крайнем случае там вонючие носки затаились. Нормальный человек, утомленный опе-

рациями купли-продажи и бесконечными «пробками» на дорогах, добирается домой. Там, в его привычной уютной гостиной, завелся саблезубый тигр. Зверь перепуган, зверь рычит, гадит и вообще воняет возмутительной первобытной дикостью. Человек морщится, но уверяет себя, что подобного просто не может быть. По сути, он тигра не видит. Человек отдает себе отчет в том, что сошел с ума, что теперь его будут долго лечить и не факт, что оплатят больничный лист. Тигр тоже уверен, что спятил. Но поскольку хвостатый рассуждает попроще и абсолютно не осведомлен о психушках и добрых докторях, то он на всякий случай рвет горло странно пахнущему двуногому.

– Надо же. Незадача какая. А я, выходит, геройски отобьюсь от хищника. Зонтиком.

– Зонтиком это вряд ли. Большая кошка. Но ты, скорее всего, не зайдешь в квартиру. Погуляешь, покуришь. Пардон, не хотел напоминать. Просто подышишь свежим воздухом.

– А тигр за это время рассосется? Неубедительно.

– Я же говорю – тигр сам перепуганный. Он в квартиру не хотел. Брел в свою уютную пещеру, а тут черт знает что случилось. Загазованность, шумы незнакомые, телефон звонит, холодильник бренчит.

– У меня не бренчит, – сказал Андрей. – Откуда тигр вообще взялся? Он же малоинтеллектуальный. Из фильма приперся? Там саблезубые фальшивые. Или компьютерные.

– Тут сложнее. Если говорить схематически, мы, в смысле человечество, много чего наводумывали. И не исключено, что кто-то выдумал нас. Насчет компьютеров... Почему же нет?

– Ерунда. Компьютер – просто машина для очень быстрых расчетов. Жизни в ней мало-вато.

– В прозрачном целлулоиде жизни еще меньше. Ты на мелочах не концентрируйся.

– Ни хрена себе мелочи!

– Мелочи, мелочи. Вернемся к варианту прямолинейного силового противостояния. Двери, тигрины и всякие прочие, открываются произвольно. В обе стороны. И каковы практические последствия? Прямое последствие – создание ФСПП. Кроме изоляции наиболее опасных «свищей», чем мы занимаемся в силу необходимости, пока не создано соответствующее подразделение, у нашего Фонда имеется прямая задача, – розыск пропавших. Наши граждане отправляются «за дверь» даже почаше, чем саблезубые кошки заявляются в гости к нам.

Андрей на миг зажмурился:

– Не пойму, мы что, все разом спятили?

– Не все. Но многие. Кто спятил, кто заблудился. В прошлом году у нас в России пропало 125 тысяч человек. Найдено около восьмидесяти процентов. За три месяца этого года пропало 78 тысяч. Найдено пятьдесят четыре процента. До конца года цифра по пропавшим скорректируется, кого-то еще отыщут, но динамика нехорошая.

– Так это криминал, бродяги...

– Бесспорно. Но и по нашей части цифра растет. В геометрической прогрессии. Их еще мало – наших заблудших. Но в будущем их станет десятки тысяч. Сейчас мы намечаем методику поиска, нарабатываем тактику и стратегию. Опыт МЧС и МВД здесь абсолютно не подходит. Сейчас идет организация структуры ФСПП, пытаемся набрать кадры. Нет желания поучаствовать?

– Мне?!

– Кому же еще? У вас, Андрей Сергеевич, уже имеется определенный опыт. Ладно, вы тут пока подумайте, а я курить. Надо бы тоже бросить...

* * *

Александр Александрович вернулся, и Андрей сказал:

– Знаете, а я не верю. Бред все это.

Специалист ФСПП кивнул:

– Конечно. Жаль только, что это быстро распространяющийся бред. Ладно, я в центр еду. Подбросить? У вас ведь там берлога? По дороге заскочим в одно место.

– Объект желаете показать? С тигром? Меня терзают смутные сомнения, что поверить все равно будет трудно.

– «Свищ» показывать не буду. К нему без веских причин лучше не соваться. Да и времени нет. Я пустячок продемонстрирую, не скажу, что приятный, но...

* * *

У Александра Александровича была на удивление непрезентабельная «девятка».

Андрей уселся на продавленное сиденье:

– Финансируют вас не очень-то.

– Нормально финансируют. Это моя личная. Должен же я хоть где-то себя дома чувствовать? Старушка у меня еще ничего, менять не собираюсь. Через Третье кольцо, пожалуй, попробуем пробиться.

Ехали в молчании. Александр Александрович временами кратко бурчал про безобразие на дорогах. У Варшавки увязли в «пробке».

Андрей не выдержал:

– Слушайте, а вы меня больше вербовать не будете?

– Нет. По-моему, вы уже готовы. Рано или поздно сами к нам придете. Я, конечно, психолог еще тот, навскидку, с полувзгляда утверждать не берусь. Но Наталья Юрьевна уверена, что вы уже наш готовый кадр. Пожалуй, соглашусь. Начальником Отделения пойдете? Самая сержантская должность.

– А оператор ЗРК⁵ вам не нужен? Я когда-то и на него учился.

– ЗРК пока не требуется. И вообще, аналогии с армией неуместны. Это мы с вами частично военные. А работа здесь совершенно иная. И Отделение другое.

– Да подождите вы с вашим Отделением. Я наслужился вволю, едва ковыляю.

* * *

Глупо тогда с армией получилось. По контракту Андрей пошел сразу после развода. От злости башку снесло. Хотелось все бросить. Ну, бросил. По возрасту уже проходил с трудом, но Володька в два дня все устроил. Собственно, он как ветеран военкоматовской службы и сосватал в только что созданный батальон тактического управления. Двухгодичный контракт – случай нечастый, но спецов по комендантской службе, знакомых с реальной работой штабов полкового и бригадного звена, не хватало. Как раз и прапорщиков отменили как класс. Реформа армии дело, несомненно, полезное, жаль, что сам процесс опять пошел через известное место. Но ничего, через полгода комендантский взвод тактбата отхватил благодарность и ценные подарки на окружных командно-штабных учениях. По сути, привести в порядок комендантское хозяйство большого труда не составляло. Парни служили неглупые, просто по молодости им житейского опыта не хватало. Самому Андрею служба даже приносила относительное удовлетворение. В штабе уважали, на плац выгоняли, когда уж никак иначе было нельзя. Даже деньги приличные платили. Нормально служилось, если не считать того, что натягивать

⁵ ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

камуфляж в сорок с лишним лет – идиотизм в чистом виде. Потом грянула Кавказская Десятидневка. Тактбат перебросили вторым эшелоном. К Бониси через перевалы вышли уже 21-го числа, когда дело было сделано. Но не успели развернуть КП, как началась заваруха. Разведка все-таки прохлопала, и попытки прорыва в горы остатков Восточной группировки противника никто не ожидал. Рвались мины, Андрей лежал в куцем намеке на окопчик, набивал магазины, мальчишки взвода лупили по фигуркам, перебегающим у домишек проклятого Бониси. Прорваться не дали, «черные» попятились, только минометы все не давали покоя. Пришлось идти с корректировщиками в село. БТР отвлек и прикрыл надежно, группа без шума закрепились в домишке на склоне. Вычислили позиции минометчиков, навели батарею. Получили приказ немедленно выходить из села, возвращаясь к БТР, столкнулись с чужими. Хотя импровизированную группу корректировщиков сколотили, считай, из штабных, «черных» в скоротечной пальбе положили, а одного, подстреленного, даже с собой уволокли. Боевой дух у драпающих «шашлычников» был никакой, да и отнюдь не «зеленые береты» этих конкретных вояк дрессировали. К счастью. На своем пятом десятке лет Андрей искренне надеялся, что стрелять в упор ему никогда в жизни не придется. Ну, как говорится, зарекалась баба... Впрочем, тогда терзаться духовно было некогда. Андрей метался по штабному расположению – во взводе оказался единственный раненый, но большая часть кунгов и палаток пострадала, подбитый генератор сдох наглухо, а начальство требовало немедленно начать перебазирование. Ушли на холмы, развернулись. Перебросили запасной генератор из роты обеспечения. Штаб работал, над Бониси рычали вертолеты, тянулись следы НУРсов, в вечеряющем небе гасли и гасли светляки трассеров. К селу уже подошли мотострелки...

Андрей разговаривал с замначштаба. Стояли на склоне, над наскоро выкопанными капонирами, в которые загнали взводные БТРы. В Бониси раздавались вялые автоматные очереди, в нескольких местах алело зарево. Изредка над головами с рокотом проходили невидимые «Ночные охотники».

– ...Ну их в задницу, эти сухпай, – сказал замначштаба. – Давай, Сергеич, напряжемся и нормально поужинаем. Заслужили...

В этот миг за спиной засвистело. Обернувшись, Андрей увидел огненные хвосты под бледными звездами. Капитан что-то неслышно крикнул, прыгнул со склона на броню бронетранспортера, потом соскользнул ниже. Андрей уже вроде бы прыгнул, но тут сзади грохнуло, дрогнула земля, не успевшие толком оттолкнуться ноги вместе с каменистым песком бруствера капонира ушли в пустоту, и старший сержант Феофанов ухнул в щель между стеной и броней БТР. Грохот разрыва реактивного снаряда должен был заглушить все, но Андрей и по сей день был уверен, что хруст ломающегося сустава был куда громче взрыва...

Полгода в госпитале. Потом перерыв и еще две операции. Колено рассыпалось крайне неудачно. Предлагали заменить сустав искусственным, но и в том варианте имелись свои сложности. В общем, Андрей Сергеевич Феофанов получил возможность до конца жизни лечить конечность, по праздникам надевать медаль «За отвагу» и дни напролет придаваться невеселым философским раздумьям. Армию Андрей не винил, да и бывшую жену обвинять было глупо. Если кто виноват, так это один великовозрастный идиот, что от личных проблем решил под погонами спрятаться. Ну и тем разведчикам, что остатки дивизиона «Града-М» прохлопали, можно было бы пару слов сказать. Ведь единственный залп та хохляцкая продукция дала. Изобразили тогда черные джигиты попытку прорыва и с чистой совестью в плен посадавались. Собственно, на следующий день Кавказская Десятидневка и кончилась. И что сержанту-дураку стоило хорошенько под ноги посмотреть?

– Сейчас самое время о статусе инвалида вспомнить, – пробормотал Андрей.

– Что? – Александр Александрович был занят – из «пробки» выбраться было трудно, машины плотно стояли до самого Новоандреевского моста.

– Я говорю, не пробьемся еще часа два.

– Так нам по делу нужно, – представитель ФСПП принялся ковыряться под сиденьем, извлек плоскую блестящую мигалку, приспустив стекло, приклепнул на крышу машины, присоединил штекер.

– Вам положено? – озадаченно поинтересовался Андрей. Подобных компактных приспособлений ему еще не приходилось видеть.

– Нам все положено, – без улыбки заверил Александр Александрович. – И наказание за злоупотребления нам тоже положены. Так что не очень-то восхищайтесь этой хреновиной.

Андрей хотел сказать, что восхищаться и не думал, но тут включилась мигалка, а заодно с ней сирена. Звук был чудовищный, соседние машины замерли как вкопанные, «девятка» протиснулась мимо «Опея», нагло воткнулась между двумя джипами и вырулила в крайний правый ряд. Сирена умолкла, вокруг еще разливались оранжево-синие всплески мигалки, но тишина казалась сущим наслаждением.

– Еще советская шумелка! – довольно прокричал Александр Александрович. – Умели мы оружие делать.

– Вы бы того... хоть шлемофон бы предложили, – сказал ошеломленный Андрей.

«Девятка» перла вдоль ограждения, продолжая сверкать вспышками мигалки. Поцарапать свое сокровище Александр Александрович не боялся. Соседние машины шарахались, высовывались водители, грозили вслед. Интеллигентного вида мужчина, распахнув дверь «Форда», в ярости махал пистолетом. Андрею хотелось надеяться, что ствол «травматический». «Девятка» за две минуты выбралась к повороту на Ленинский.

– Пристрелят вас когда-нибудь, – заметил Андрей, слегка успокаиваясь.

– Нет, не решатся. Я незнаю кто. Была бы «скорая» или депутат, тогда, конечно, не задумались бы.

На Ленинском было относительно свободно. Развернулись, на этот раз без всяких оглушительных истерик. Александр Александрович свернул вниз, к въезду в парк и Нескучный сад. Охранник на шлагбауме дернулся было побеседовать о деньгах, но, видимо, узнал и пропустил беспрепятственно.

– Мы тут недавно работали, – объяснил Александр Александрович. – Странноватая зона этот Нескучный. Да и ЦПКиО недалеко ушел. Но мы сейчас буквально на минуту заскочим. Опаздываю я.

Остановились у пешеходного моста. По утреннему времени было безлюдно. Впереди растянулась неподвижная свинцовая Москва-река, за ней высилось здание Академии Генштаба. Спустились к дебаркадеру. Место было Андрею отлично знакомо – жил, можно сказать, рядом. Еще недавно в парк с палочкой шкандыбал – пытался колено с вечной болью примирить.

Александр Александрович машинально достал сигареты, тут же начал пихать обратно в карман.

– Да вы курите, – сказал Андрей. – Я, во-первых, твердо решил бросить, во-вторых, у вас сигареты с такой амброзией, что и табаком не пахнут. Так что не мучайтесь.

– Мерси, – представитель ФСПП закурил. – Вот, думаю, не зря ли я вас сюда притащил. На меня давеча большое впечатление произвело, но дело сугубо индивидуальное. Вы вот туда взгляните.

Андрей взглянул в воду вблизи берега. Сначала, кроме слабого колыхания непроницаемо-серых волн, тусклого блеска прибрежного льда и нескольких пивных бутылок, ничего не рассмотрел. Потом показалось что-то неопределенное, белесое, в черных пятнах. Псинка утонувшая? Рядом еще. Левее еще одна – ледяная вода шевелит лапку. Еще и еще трупик...

– Послушайте, здесь что, выводок далматинцев утопили?

– Да какие далматинцы – обычные московские «дворяне». Безвинно умерщвленные, – Александр Александрович вздохнул. – Вы классику русской литературы не совсем забыли? А историю Москвы? Ничего в памяти не всплывает?

Андрей с трудом оторвал взгляд от водяной могилы:

– На Тургенева намекаете? Ну вы и... Жестоко.

Кажется, Александр Александрович разозлился:

– Ты головой, а не задницей думай. Думаешь, для тебя эту собачью гекатомбу устроили? Чтобы что доказать? Что дворняжки с кирпичами на шее плохо плавают? Думаешь, всемирный заговор против тебя?

– Нет, про заговор не думаю. – На реку Андрей больше смотреть не мог.

– Ладно, пошли отсюда, – Александр Александрович зашагал к машине. – Мне, между прочим, цуциков тоже жалко. Мы еще пока додумались, откуда они берутся. Черт знает что – мертвецов чуть ли не каждый день вижу, а этих....

– А нельзя ли что-нибудь сделать? – неловко сказал Андрей. – Ну, чтобы не топили? В конце концов, это даже в санитарном смысле....

– Додумаемся как, обязательно сделаем. А пока этот несчастный шедевиальный рассказ в школе прилежно изучают, собачки нам постоянно реку украшать будут. Дети, они впечатлительные. Соответственно, и энергетическая подпитка «свища» мощная.

– Да, но я раньше трупов в реке не видел.

– Ты не смотрел, – Александр Александрович открыл дверь «девятки». – Собачек, как и твоих «целлулоидных», нужно уметь видеть. Сейчас их разглядеть, конечно, легче становится. Хотя не исключено, что русло изменилось и теперь псов ближе к берегу прибывает. Поехали, все равно мимо твоего дома проезжать буду.

Андрей сел в машину и мрачно сказал:

– Что мне домой? У меня и цветов практически нет, чтобы поливать. Мне, по-любому, в «Боспор» возвращаться. Ну и если действительно работать, то чего время терять?

* * *

В «Боспор» Андрей вернулся только в одиннадцать вечера. Охранник, предупрежденный из ФСПП, дождался, сидя в машине у остановки. Ни слова не говоря, передал ключ.

В кинотеатре стоял сумрак, было тепло, было душновато. Были застойные 80-е. В буфете едва слышно побулькивал автомат. В буфет Андрей заходить не стал, с пакетом продуктов, прикупленных в «Перекрестке», поднялся в аппаратный комплекс. Там, в кабинете главного инженера, стоял длинный диван. Андрей выпил полпакета кефира. Требовалось все еще раз хорошенько обдумать.

Проснулся как от толчка. Было темно – настольная лампа выключилась, лишь по потолку скользили отсветы фар с Бирлюковской. У окна замерла, рассматривая улицу, коренастая фигура.

– Ездят и ездят. Нет чтобы деньги в поте лица зарабатывать.

Андрей сел, потер ладонями помятое лицо:

– Доброй ночи, господин Горгон.

– И тебе. Ну, излагай, как оно повернулось. Не терпится мне.

– Вроде нормально повернулось. Оставят нас в покое. Определенные условия, понятно, выдвинули. Но гарантируют через полгода по субботам и воскресеньям два дневных сеанса. «Ретроспектива XX века». Чаше не получится – электроэнергии мы много жрем, а выручка если и будет, то символическая.

– Долго ждать-то.

– Сейчас мы официально на реконструкцию закрываемся. Иначе народу не объяснишь, куда попорн с боулингом делся. Я сказал, что сразу на две внешности «Боспору» существовать трудно будет.

– Правильно сказал. Значит, сторговались?

– Вроде того. – Андрей, и сам не слишком-то поверивший, что все получилось уладить, взял пакет с кефиром. – Вам, господин Горгон, налить кружечку?

– Нет уж. От молочного здоровью польза, но то, что ты хлебаешь, корову сроду не видело. Что там от нас взамен хотят?

– Чтобы эксцессов не было. Никаких скальпов и прочих неприятностей. Гарантий хотят. Техники будут коммуникации проверять, так чтобы люди ничего не видели. Да, я здесь за зданием буду присматривать. И еще команда. Человек шесть-семь. Вроде бы как охрана.

– Твои людишки?

Андрей колебался:

– Вроде как мои, но они хорошей выучки требуют. Не трогайте их, а?

Горгон уселся за письменный стол:

– Не будут соваться куда не надо, не тронем. Ты умных нанимай.

– Каких дадут. Если не подойдут, я их сам сплавлю. Но если голову отрежете, неприятности по новой закрутятся. Могут и спалить кинотеатр. Властям проще здание списать, чем разбираться.

– Ишь ты, – старик покачал головой, – и денег не пожалеют? Ну, понял я. Докучать вам не будем, но и вы уж о наших нуждах не забывайте. Мы не так уж много требуем.

– Они согласны, что немного. Только просят тело четвертого сыщика отдать. По закону похоронить нужно.

– Это вряд ли. – Горгон принялся складывать журналы и древние техпаспорта в аккуратную стопку. – Парнишка, гм, пострадал внешне. Нечего отдавать, по правде-то.

– Хороший был воин, храбрый, – прошептали Андрею в ухо.

Ночной зритель вздрогнул, и Хеш-Ке едва слышно рассмеялась:

– Посмелее тебя был. Сердце смелое, тяжелое. Сладкое. Нужно было тебе кусочек оставить. Ты что из трубки любишь? Пахнешь-то сегодня вкусно. На наркотные самокрутки перешел, а?

Ладонь, скользнувшая по бедру, обожгла и сквозь джинсы, Андрей и слова вымолвить не мог.

– Оставь его, девка, – строго сказал Горгон. – Устал парень, да и свой он теперь. Пока что свой. Хватит дурить. Шла бы ты в свои колючки.

– Сейчас пойду, – метиска скалила в темноте белые зубы. – Я про того, чужого. Могу голову принести. С волосами. Он, видят боги, смелым был.

– Потом разберемся. Брысь отсюда!

Хеш-Ке исчезла. Горгон тоже поднялся:

– Ты с ней поосторожней. Истинно демоново отродье – соблазнит, в ад заманит, и глазом не моргнешь. Ну, добро. Располагай челядь. Этаж ваш, под мое слово. Если что, зови.

Кефир, непонятно когда, успел выплеснуться из пакета. Андрей вытер руку и джинсы, вытянулся на диване. Сердце колотилось у горла. Черт, словно в шестнадцать лет – адреналин пополам с тестостероном мозги напрочь вышибает. Исчезла бы она совсем, чудовище аризонское. Как здесь работать? А время поджигает. Дня через три личный состав передадут.

* * *

Команду сформировали только через шесть дней. К подбору людей Андрея не допустили, хотя штатное расписание, заявку на оборудование и материальное обеспечение составлял собственноручно. Участвовал в рабочих совещаниях, помогал с проектом структур управления. Работы было невпроворот. ФСПП действительно только обретало «плоть и кости», и Андрей начинал понимать гигантский объем задач, вставший перед новой организацией. Катастрофически не хватало личного состава. Людей приходило много – присылали МЧС и полиция, Министерство обороны и Академия наук. Но девяносто процентов отсеивалось еще при первой беседе с психологом. Собеседования под ширмой кадрового тренинга проходили в Высшей школе-институте психологии АН. Тех, кого не отбраковали сразу, направляли в головной офис ФСПП, обосновавшийся на Красносельской. Здесь за дело принимались сиятельная Наталья Юрьевна и двое ее подручных. Кажется, улов у них был мизерный. В ФСПП уже осознали, что задавить возникшую проблему числом не получится. Платить пенсии тысячам семей бесполезно сгинувших сотрудников нового ведомства государство не собиралось. Впрочем, дела были не столь плохи. В Москве уже действовали три Отделения поиска. Еще шесть были созданы на периферии и работали самостоятельно, лишь отсылая отчеты по результатам работы в Московский аналитический центр. Пока все работали ошупью.

– Все равно не врублюсь, – признался как-то после скоропостижного совещания Андрей спешащему Сан Санычу. – Как именно мы должны браться за дело? Со «свищами» более-менее понятно. Но как нащупать «канал», когда даже не подозреваешь, как именно он должен ощущаться?

– Все вы знаете, – сказал Сан Саныч, роясь в портфеле. – Вы знаете путь. Поэтому вас самих и выискивают с таким тщанием. Вы знаете очень много, только еще не поняли, что конкретно каждый из вас знает. Поэтому вас и стараются изолировать друг от друга. Дабы один из оперативников, возможно, не самый умный, но самый самоуверенный, не втолковал коллективу, что пицца – это исключительно сахар. Или свекла, накрошенная с «Юбилейным» печеньем. Нам нужно полноценное питание. Нужны вы все, с тысячами идей, с коллективной интуицией. Иначе заедем непонятно куда. Так уже бывало.

– Это понятно. Но без обмена опытом, не нащупав оптимальных путей, мы вообще никуда не сдвинемся.

– Сдвинетесь, сдвинетесь. Будет сформировано Отделение – обменивайтесь между собой опытом сколько угодно. Для этого вас и собирают. А ваш общий опыт будет анализировать специально созданный отдел. Вот эти люди будут сидеть взаперти и думать.

– А мы будем бегать, как подопытные кролики?

– Вроде того. Зато вы парадоксально свободны. Лично я завидую. Эх, мне бы еще коэффициента наскрести. Все, мне пора. Еще поговорим... – Сан Саныч рванул к лифту.

Андрей смотался в Кубинку на склады, забрал счета-фактуры за три дня и ящики с приборами. Погнали обратно в Москву – требовалось выгрузить полученное добро в центральном офисе, закончить с бухгалтерией, потом ехать к себе в Бирлюково. Прикрепленный к Отделению водитель, солидный Владимир Михайлович, оказался человеком надежным и понимающим. Подразумевалось, что микроавтобус (новенький «Форд») и водитель хотя формально и не войдут в штат Отделения, но будут работать с ним постоянно. Андрей был доволен: Володя был ровесником, к тому же за три месяца работы в создающемся ФСПП успел навидаться всякого разного. В «Боспор» Михалыч не заходил, но подвозить к самым дверям не дрейфил. Центральный вход открывать теперь не приходилось – Андрей вставил новый замок в малоприметную дверь запасного входа и пользовался только ею. На фасаде бывшего мультиплекса

висело объявление о ремонте и обещание открыть кинотеатр 1 октября. «Целлулоидные» не беспокоили, лишь разок заглянул комиссар, поинтересовался: нельзя ли нормально отремонтировать телевизор в комнате главного администратора? Андрей заскочил домой, забрал свой телевизор. Достойным аборигенам «Боспора» вовсе не обязательно паяться в древний черно-белый «Рекорд».

...Добрались до Садового кольца, когда позвонил Сан Саныч:

– Ты где бегаешь? Давайте к офису пробивайтесь. В 20.30 у меня в кабинете встречаемся. Поздравляю: «Отделение-29» заступает на вахту с завтрашнего дня.

* * *

Если лично начальник выставляет бутылку, отказываться от алкоголя нетактично.

– У меня тут джин, – сумрачно сказал Александр Александрович. – Не возражаешь? Были у меня знакомые – пламенные сторонники сего елочного напитка. И я втянулся. Вот Наталья Юрьевна тоже пристрастилась.

– Вполне приличный напиток. Если не «левого» розлива и с тоником, – заметила психолог. Она, сидя в кресле, одернула подол строгой юбки, и это мимолетное движение, черт знает почему, только привлекло внимание к красивым коленкам.

– Значит, завтра заступаем? – Андрей устроился у окна и решил, раз уж начальство не убегает, прояснить складывающуюся стратегическую ситуацию насколько возможно. Ну, в границах дозволенного.

– Заступаете, заступаете, – пробурчал начальник, разливая напиток. – Подожди с делами. И так уж гнали как могли, на две минуты имеем право расслабиться. Наталья Юрьевна, ты меня не жги пронзающим оком. Про тоник я не забыл – в холодильнике два литра прохлаждаются.

– Мило. Начинаешь создавать условия не только для оперативников. – Психолог подняла ладонь – звякнул тонкий золотой браслет, и Андрей, как повелели, остался сидеть, позволив ее превосходительству охотнице за человеческими душами лично прошествовать к холодильнику. Тьфу, икры у нее ничуть не хуже коленок.

– У меня тут несколько вопросов назрело и перезрело, – пробормотал Андрей, злясь на себя.

– Сиди пока, – буркнул начальник. – Сначала по глоточку. День был суетной.

Андрей подумал, что с каждым прошедшими сутками бытие Фонда становится только напряженнее. В «Боспоре» отсидеться самое время. Сан Саныч кого угодно способен загнать. Хотя принимать команду, конечно, страшновато. Это, конечно, не триста человек головного офиса, но Андрей руководить совсем разучился. Если допустить, что когда-то вообще умел.

Жгучая жидкость обожгла горло скипидаром, но потом легко скользнула в желудок.

– Пили бы вы, господа офицеры, с тоником, – сказала Наталья. – Честное слово, гораздо приятнее.

– Форсируем Ла-Манш, научимся потреблять по всем правилам, – пообещал Сан Саныч. – Значит, так, Андрей, вот личные дела твоего гарнизона, – начальник похлопал по четырем тощим скоросшивателям. – Все лучшее, что у нас имеется.

– Вернее, все, что наскребли, – Наталья Юрьевна улыбнулась. – Хотелось собрать классическую шестерку, но одна из кандидатур в последний момент не прошла. Решили больше не тянуть. Если понадобится, получите пополнение в процессе работы. Хотя вводить человека в уже сложившийся коллектив трудно.

– Проехали, – Сан Саныч постучал пальцем по пластиковым обложкам скоросшивателей. – Возможно, здесь и так лишние персоны имеются. Андрей, ты кадрами не швыряйся, но если кто-то конкретно допечет и не впишется, накарябай рапорт. Только не абы как, а с серьезными обоснованиями. Заберем человека, пусть ждет формирования следующего Отделения.

– Но рапорты и переводы стряпайте не ранее чем через месяц, – мягко сказала Наталья. – Сейчас у вас испытательный срок. Коллектив должен сложиться. Полагаю, придется пройти через парочку кризисов.

Андрей знал, с каким тщанием отбираются люди в Отделения. Эта гламурная черноглазая брюнетка, что сидела сейчас со стаканом джина, обладала интуицией, о которой в Фонде уже рассказывали легенды. Собственно, тройка психологов, возглавляемая Натальей, являлась ведущим звеном ФСПП. Формируемые команды, без затей названные Отделениями, просто обязаны были стать гораздо большим, чем только коллективами людей с повышенными экстрасенсорными способностями. Упрощенно говоря, требовалось создать единый интуитивный организм, способный решать задачи, которые еще год назад никому и в голову не приходило всерьез рассматривать. Отделению придется находить след, отыскивать и эвакуировать пропавших людей или их останки, проводить разведку и, главное, копить опыт работы в новых условиях. В условиях, когда индивидуальные человеческие способности ничем не могут помочь. По сути, Отделениям ФСПП действительно отводилась роль лабораторных кроликов. Или крыс. Андрей очень надеялся, что все-таки крыс. Желательно перед концом кого-нибудь куснуть. А еще лучше успеть улизнуть и пожить чуть подольше.

– Мне можно с личностями ознакомиться? – спросил Андрей, глядя на разноцветные папки скоросшивателей.

– Не-а, не дадим, – Сан Саныч похлопал по пластику. – В смысле, сейчас не дадим. Завтра, после личного знакомства, изучай сколько влезет. Наталья Юрьевна уверяет, что иначе возникнут ненужные предубеждения.

– Вы уж извините, Андрей, – психолог склонила прелестную голову к плечу – сверкнул изумруд в маленьком ушке. – Желательно, чтобы вы отчетливо запомнили свою первую реакцию при знакомстве. Формулировки в досье способны исказить впечатления. Кем бы ни были ваши подчиненные, вам работать вместе, и лучше начать непредвзято, с чистого листа.

– Угу. Тем более в досье ты исчерпывающей информации не найдешь, – вставил Сан Саныч, разглядывая этикетку джина. – Не надейся. Не положено тебе много о личном составе знать.

– Да черт с ним. – Андрей вертел в пальцах стакан. – Я понимаю, новая команда в любом случае должна работать. Насчет личных дел – просто любопытно, кого вы в «Боспор» сосватали. Вопрос у меня другой: истинная задача наша какова?

– Что значит «какова»? – Начальник смотрел испытывающе. – Находите след, идете и вытаскиваете беднягу к родным и близким. Это если след находится. Если за ниточку ухватиться не удалось, высказываете догадки, отчего наша с вами контора такая беспомощная.

– Идея ясна. Только я все-таки в армии при штабе ошивался и имею представление о планировании операций и расчете привлеченных сил и средств. По субъективным ощущениям, мы подтянули танковые батальоны, собрали несколько артдивизионов и батарей РСЗО⁶, подняли вертолеты и фронтовые бомбардировщики. И все это для того, чтобы вытащить из пусть и дремучего, но мирного леса заблудившегося школьника?

– Я в ваших иносказаниях не очень понимаю. Танковый батальон – это много? – с любопытством поинтересовалась Наталья Юрьевна.

– Около трех десятков машин, – сказал Сан Саныч. – Пора нам от армейских аналогий отходить. Штабной опыт штука полезная, но сейчас на нем далеко не уедешь. Ты сам-то как думаешь, какого рожна наверху вздумали нас создавать и развивать? В чем фокус?

– Мы что-то ищем, – осторожно предположил Андрей. – Что-то очень важное.

⁶ РСЗО – реактивные системы залпового огня.

– Ну вот, сам допер, – весело сказала Наталья Юрьевна. – И откуда у вас, у военных, стойкая репутация тугодумов? Умнейшие мужчины. Сан Саныч, может, нам в ФСПП военизированную форму ввести? Мне аксельбанты и эполеты пошли бы?

– Тебе все пойдет, – заверил начальник. – Тебе даже ватные стеганные штаны к лицу.

– Штаны к лицу?! – возмутилась психолог.

– Ну, к ногам. Ты из этих самых дамочек, что все что угодно носить умеют. Редкая порода.

– Минутку, – Андрей поставил стакан. – Я, видимо, не из тех военных, что все сразу схватывают. Что мы ищем-то? Закрытая информация?

– В некотором смысле, – начальник откинулся в кресле. – Если точнее – еще не открытая информация. Никем не открытая. Вот, может, тебе и посчастливится. Мы не знаем, что нам нужно. Нет, это я перегнул. Если в самых общих чертах – мы ищем дверь. В которую входят и выходят.

– Видишь ли, – Наталья смотрела в глаза новому начальнику Отделения, – в теории, с которой ты отлично знаком, нас окружают тысячи реальностей. Непосредственно созданные земным информационным полем и независимые – параллельные. То, что у нас принято называть «Фатой» и «Калькой». «Калька» достаточно изучена, контакты с ней не имеют особой практической ценности и находятся под контролем. Иное дело внезапно проявившаяся «Фата». Да, сейчас она представляет реальную опасность своей непредсказуемостью. Особенно возникновение «свищей». Работа с «Фатой» – это первоочередная задача ФСПП. Но среди реальностей, созданных психофизическими парадоксами, существуют и истинные миры. То есть не выдуманные человеческой фантазией и не параллельные. Миры, куда можно уйти любому человеку вне зависимости от экстрасенсорного коэффициента. Дальняя Америка или Австралия. Мир – «реал».

– Хорошо, что не «Атлетико», – пробормотал Андрей.

– У, мы шутим, – Наталья улыбнулась начальнику. – Какого мы кадра здравомыслящего откопали, а? Нет, я твердо на премию рассчитываю.

– Насчет «реала» теория подтвержденная, – пробурчал Сан Саныч. – Если честно, мы давненько об этом знали. Были эксперименты, ходили разведчики. Иногда даже возвращались. Но на данный момент изменились физические условия. То, что Наталья именует «реалом», стало ближе. Доступнее, чтоб ему...

– Ладно. Уловил. И что разведка?

Наталья Юрьевна улыбнулась. Улыбка у нее была потрясающая, и Андрей еще больше разозлился на себя. Ведь поверил. Хрен знает почему, поверил мгновенно. Попался. Но ведь не может быть никаких «реалов». И «Калька», и «Фата» подтверждены экспериментами, опираются на правдоподобные, пусть и недоказанные, теории, но...

– Нет у нас разведки, – мрачно сообщил Сан Саныч. – В смысле, разведка как раз есть, вот агентов-разведчиков не имеется. Не можем мы найти хода. Несколько утешает, что и заграничные «партнеры» не могут пробиться. Вот англичане раньше ставили эксперименты, добивались каких-никаких результатов, а сейчас не могут пройти. А мы в свое время исключительно «Калькой» занимались, что принципиально иных подходов требовало. Техника иная, теория. Нет наработок. Но сейчас уже дело не в том, чтобы догнать, – конкуренты тоже накрепко засели. Физика размерностей шалит. Отшвырнуло нас, закрутило...

– Стоп, Сан Саныч, – резко сказала Наталья. – Наводку даешь. Они тоже блудить начнут. Извини, Андрей, тебе последнего знать не нужно.

– Ладно, я все равно ничего не понял. И вообще не вижу в поставленной задаче смысла. Тут бы с «Фатой» нам разобраться, а еще и «реал» выпячивается. Зачем он нужен?

Сан Саныч наполнил мужские стаканы, вопросительно взглянул на соратницу. Наталья Юрьевна с каким-то ожесточением отрицательно помотала головой. Блестящая прядь прилипла к гладкой щеке.

– Андрей, ты только громко не ори. Ты подписку о неразглашении давал, помнишь? Нужен нам «реал». Весьма, – пробормотал начальник ФСПП. – Нужны варианты. Для глобальной эвакуации.

Андрей прекратил любоваться изысканной прядкой и с изумлением уставился на начальника.

– Да, возможна общая эвакуация, – морщась, подтвердил Сан Саныч. – Давайте, товарищи офицеры, выпьем, чтобы оно как-то без нас, само собою, рассосалось.

* * *

– Отличненько, – Наталья Юрьевна ухватила со стола свой портфельчик из роскошной крокодиловой шкурки. – Я пошла, отключу все, а вы еще посидите. Допьете, я вас по домам доставлю. Андрей, ничего, если я вашего Влад Михалыча запрягу? Он все равно вас дожидается.

Психолог исчезла, начальник разлил остатки джина.

– Хорошая штука, но как-то не то. Не берет по-настоящему.

Андрей чувствовал, что его самого хоть и несильно, но «забрало», но перечить руководству не стал, согласился:

– Европейский напиток. От малярии. Слава богу, у нас хоть москитов нет.

– Будут, – мрачно предрек начальник. – Если так пойдет, все будет. И москиты, и аллигаторы из Москвы-реки полезут. О драконах огнедышащих, эльфах-снайперах и неандертальцах-террористах даже задумываться боюсь. Ты личное оружие не потеряй. Отвык ведь.

– Ничего, – Андрей пощупал ногой тактический рюкзак. Под оливковым авизентом дожидалось полумесячное жалованье Отделения, конверт с папками досье и удостоверениями новых сотрудников. И совершенно неожиданно полученное личное оружие – «ТТ» с двумя обоймами.

– Ствол почти новый, ухоженный, я сам полюбопытствовал, – сказал Сан Саныч. – Что-то посовременнее надо бы, но «Тульский» больше вашей легенде соответствует. Вы же, ядреный корень, ЧОП, охранники. Ну, ты же сам документы готовил. Полезный ты человек, Андрей. Жаль, не получится тебя при центральном офисе оставить.

– Нет уж, «Боспор» без присмотра заскучает. Явятся ведь за мной, – Андрей улыбнулся. – Саныч, а дела и вправду так плохи? Я не про подробности. Лично ты что думаешь?

– Хреново, я думаю. Проспали. Лично я никуда бы не бежал. Дома нужно отбиваться. Но мы ответственность за все население несем. В общем, пути отхода нужно иметь обязательно. Так на самом верху решили, и возразить, по сути, нечего.

– Но всем уйти ведь не получится. Десятки уйдут, а миллионы бросим? Ну даже если «тропу» найдем, это же техника нужна специальная, организация масштабная.

– Все будет. Подопрет – все найдем. Была бы тропа, – Сан Саныч дотянулся до ящика стола, достал фотографию в простой деревянной рамке. – Вот, девчонка ходила без всякой техники. И в «Кальку» ходила, и в «реал». Она одно время с англичанами сотрудничала, пока у них финансирование экспериментов не закрыли.

Девушка на фотографии была очень даже ничего. Яркая высокая блондинка с чувственным жестковатым ртом. Держала под руки Сан Саныча и еще какого-то плотного мужика с простоватой физиономией. Все трое были в камуфляжных армейских комбинезонах, но без оружия.

– Красивая, – сказал Андрей. – Наша психолог не сильно ревнует?

– Что ей ревновать? У Наташки у самой такая внешность, что просто диву даюсь, как ее судьба в психологи закинула. Да и отношения у нас товарищеские, без всякой игровой

ерунды. – Сан Саныч решительно поставил рамку на стеллаж. – Нужно мне с вещами разобратся. Как в кабинет вселился, ни минуты не нашлось.

* * *

Сан Саныча высадили на Фрунзенской, проскочили через мост – по позднему времени поток двигался почти свободно. Немного постояли у Крымского вала. Впереди, у места очередного ДТП, вспыхнула драка. В ход мгновенно пошли бейсбольные биты...

– Фу, как неэстетично, – сказала Наталья. – Дикари с дубинками.

– Пусть уж лучше дикари, – утомившийся Владимир Михайлович поерзал за рулем. – Вчера в новостях показывали – девица в лицо водиле трижды выстрелила. В упор. А он всего-то нагнулся к окну сказать, чтобы машину от выезда со двора барышня отодвинула. Озверение прямо какое-то. Вы, товарищи начальники, подумайте: может, нам на машины новые армированные стекла поставить? Говорят, свободно пистолетную пулю держат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.